

♀ (7/8/40)

РОВОСНИК

12
1981

Письма, строки из которых опубликованы на этих страницах, приходят в Москву со всего света. Авторы писем — люди разных национальностей, разного возраста и социального положения, разных профессий и политических взглядов. Но всех их объединяет естественное желание жить, и всем им понятно, что единственной гарантией жизни является мир.

Вот почему в письмах, уже многие годы нескончаемым потоком поступающих в Москву, неизменно звучат слова безграничного уважения и глубочайшей признательности, обращенные к выдающемуся государственному деятелю современности, самоотверженному борцу за мир во всем мире Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Публикуемые выдержки из писем, адресованных зарубежным редакциям Московского радио, — лишь малая толика из этого поистине всесветного потока надежды, веры и благодарности.

На земном шаре нет мировой войны, и мы, люди всех стран, должны благодарить за это прежде всего миролюбивый Советский Союз и Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Марьян БОЧИНА, Швеция

Говоря о борцах за мир, дружбу и процветание всех народов мира, мы прежде всего вспоминаем имя Л. И. Брежнева. Всем известно, что он посвятил всю свою жизнь делу борьбы за счастье человечества, за создание такого мира, где не будет войн, где будут господствовать взаимопонимание и сотрудничество. От всей души желаю Л. Брежневу долгих лет жизни.

Удаяя ДЕКА, Индия

Все разделы Отчетного доклада XXVI съезду свидетельствовали о величии и престиже Генерального секретаря ЦК КПСС. Одно из его высказываний о том, что основное право каждого человека — это право на жизнь, ярко свидетельствует о присущих ему глубоких чувствах гуманизма, которые делают его достойным продолжателем дела Ленина. Выражаю чувство глубокого восхищения Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Эмабль ДЕСТЕРБАК, Бельгия

В жизни Л. И. Брежнева было много замечательных свершений, и невольно возникает вопрос: в чем истоки его энергии, опыта, знаний? Ответ один — Леонид Ильич вышел из рядов рабочего класса, жил повседневной рабочей жизнью, мыслями рабочих, их чаяниями, мечтой о процветании и счастье. Л. И. Брежнев глубоко познал рабочий класс именно на основе своего личного опыта, своей жизни среди рабочих... Легко произнести слово «мир», однако, чтобы установить мир на Земле, требуется много усилий и энергии. Велика роль Л. И. Брежнева в этом. Его инициатива позволила установить контакты с государствами разных социальных систем. Советский Союз последовательно проводит ленинскую внешнюю политику, которая является образцом для всех, кто стремится к миру.

Халиль АХМЕД, Сирия

В товарище Брежневе я вижу продолжателя дела великого Ленина. Я всегда с большим удовольствием читаю речи товарища Брежнева. Все угнетенные народы видят в товарище Брежневе идеал борца против угнетения и эксплуатации.

Благодаря Советскому Союзу в свое время был разбит нацизм. А сейчас с помощью Советского Союза будут побеждены и сметены с лица Земли насилие, войны и расизм.

Помпилио МАЛАТО, Италия

«Я очень хочу, чтобы мечта этого прекрасного и мужественного человека о мире на всей нашей планете осуществилась»

Все люди Земли знают о личном вкладе Леонида Брежнева в дело разрядки международной напряженности. Мы, простые испанцы, относимся к Леониду Ильичу Брежневу с таким же уважением, как и советские люди.
Флоренсио ЭРРЕРА, Испания

Хотел бы выразить мою искреннюю признательность товарищу Л. И. Брежневу за все, что он делает во имя мира на Земле. Я слышал по Московскому радио и читал в журналах его выступления на XXVI съезде, потом речи в Киеве и Тбилиси, теперь я ознакомился с «Обращением к парламентам и народам мира». Во всех этих документах содержится призыв к разоружению и разрядке напряженности. Какое последовательное стремление спасти мир от ядерной войны! Драгоценный мир... Неужели у руководителей капиталистических государств не хватит разума, чтобы остановиться и не раздувать пожар войны?
Жозе КРИШПИМ, Ангола

Во время визита Брежнева в США я убедился в том, что он является не только замечательным дипломатом, но и очень приветливым и доброжелательным человеком.
М. ХИКМАН, США

Выражаю удовлетворение позицией СССР и его лидера Л. Брежнева в деле всемерной поддержки борьбы народов против империализма, в деле оказания всесторонней помощи африканским народам. Ваша политика, проникнутая гуманизмом, высоко оценивается всеми борцами за равноправие, свободу и социализм.
Саиди ИССА, Танзания

Леонид Ильич Брежнев — выдающийся политик и государственный деятель, марксист-ленинец, истинный борец за мир. Его отличают ленинский стиль работы, забота о советском народе, ответственность за советский народ и за все человечество, ясная политическая позиция, точная оценка международного положения, забота о сохранении всеобщего мира.
Рихард НЕРИНГ, ГДР

Имя Брежнева, выдающегося политического деятеля, коммуниста, известно всему миру. Его энергия, его вклад в дело мира, в дело поддержки национально-освободительного движения заслуживают самой искренней человеческой благодарности. И какой бы пост ни занимал Леонид Ильич, он везде пользовался доверием и уважением людей, потому что всегда и во всем он был и остается патриотом. Всемирно известная Программа мира, предложенная Брежневым, — это программа укрепления дружественных связей и сотрудничества между народами.
Мирван Муса СУДАХ, Иордания

Внимательно прослушал все сообщения о праздновании 60-летия Казахстана и с особым интересом речь Л. И. Брежнева. Ни один государственный и партийный деятель капиталистических стран не выступает так убедительно в защиту мира.
Руди БЮРИНГ, ГДР

Советский народ может гордиться такими борцами-ленинцами, как товарищ Л. Брежнев.
Ф. ЛОРАН, Франция

Я восхищаюсь последовательностью, упорством и энергией советских коммунистов во главе с Брежневым, которые они проявляют в борьбе за мир, разрядку и разоружение.
Херардо ТОБОН, Колумбия

Все прогрессивно настроенные люди не могут не признать, что президент Брежнев — один из самых страстных защитников всех угнетенных, великий борец за мир, ответственный из политиков в мире.
СЛЭЙТЕР, Англия

Я восхищаюсь Леонидом Брежневым, его неустанной борьбой против гонки вооружений. Я убежден, что социализм скажет свое решающее слово в истории.
Бассиру ДИА, Сенегал

Перед лицом растущей агрессии США Советский Союз — наша единственная надежда. Л. И. Брежнев внес важное предложение о сокращении атомного вооружения во всем мире, и мы единодушно поддерживаем это предложение.
Сайфул ИСЛАМ, Бангладеш

Мы хорошо знаем, что Леонид Брежнев — это руководитель, который все силы отдает на благо и процветание Советского государства, на укрепление его мощи, на благо мира во всем мире.
Н. Радхакришна ПИЛЛАИ, Индия

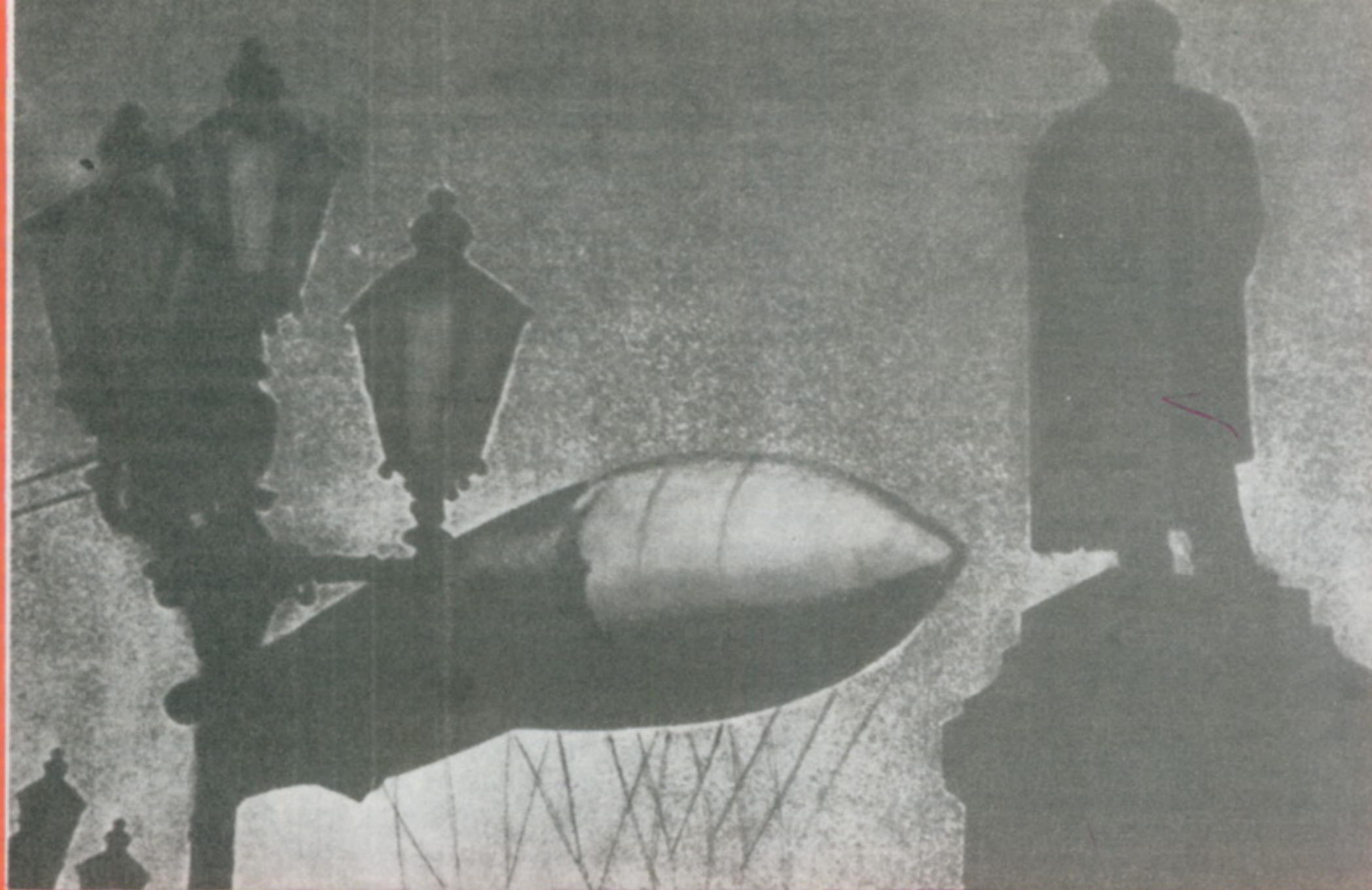
Мы, греки, признательны Леониду Брежневу за его труд по укреплению мира во всем мире, за развитие добрых отношений между нашими странами.
Михалис МИНАТИДИС, Греция

Я хорошо понимаю то доверие и уважение, которые испытывают к Л. И. Брежневу советские люди. Народы всех стран знают его как борца за мир и справедливость.
Нисимура КАДЗУЕСИ, Япония

Мы высоко ценим миролюбивую политику Советского Союза и с большим уважением относимся к деятельности Л. И. Брежнева. Ваши успехи радуют нас.
Тисса ДЖАЯКОДИ, Шри Ланка

Нам с женой было близко и понятно каждое слово, каждое предложение из выступления Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС. Будь то слова о мире и необходимости его сохранения, или когда речь шла о дальнейшем развитии братских интернациональных связей стран социалистического содружества, или когда товарищ Брежнев говорил о дальнейшем подъеме благосостояния народа.
Владимир ИРЖИЧЕК, ЧССР

Я часто думаю о президенте Брежневе. Как много он сделал для дела мира! Я очень хочу, чтобы мечта этого прекрасного и мужественного человека о мире на всей нашей планете осуществилась.
Катарина ХАУГЕН, Норвегия

Смотрите!

На этих страницах — Москва 41-го в дни смертельной опасности и суровых испытаний.

На этих страницах — Москва 41-го в дни беспредельного мужества и непоколебимой стойкости.

На этих страницах — Москва 41-го в дни, ознаменовавшие начало конца злейшего врага человечества — гитлеровского фашизма.

Такой она была, наша Москва, 40 лет назад — сосредоточенной, сплоченной, готовой без страха и сомнений к схватке, которая непременно должна была завершиться и завершилась Победой.

Читателям «Ровесника» предстоит познакомиться с опубликованным в этом номере журнала отрывком из книги американского журналиста Уоллиса Кэрролла «Это касается и нас», вышедшей в Нью-Йорке в 1942 году, в котором свидетельством иностранного очевидца подтверждается всенародная решимость советских людей отстоять Москву, отбросить и разгромить рвущиеся к столице гитлеровские полчища.

Описывая то, что видел и слышал, обращая внимание на детали, которые только и мог подметить «чужой» глаз, Кэрролл оставил документ, вселяющий чувство восхищения и гордости мужеством, стойкостью, спокойной уверенностью поколения советских людей, принявшего на себя историческую миссию спасения мира от коричневой чумы.

Это они в битве за Москву сделали то, чего до этого не удавалось никому, — нанесли первое в ходе второй мировой войны (1939—1945 гг.) поражение фашистскому зверю, развеяли в прах миф о непобедимости немецко-фашистских войск, окончательно сорвали план молниеносной войны против Советского Союза. Это они в битве за Москву ценою собственной жизни решали судьбу нашей столицы, нашей Отчизны, всех последующих поколений советских людей.

Вот почему спустя четыре десятилетия не меркнет слава героев. И жить ей вечно!

В Москве стояли ясные осенние дни. Германская армия все ближе подкатывалась к городу, жизнь которого заметно перестраивалась на военный лад. Жены и сестры ушедших на фронт занимали их места на заводах и фабриках. Одновременно профсоюзы спешно расширяли сеть яслей и детских садов.

Я видел женщин-каменщиц. Они восстанавливали разрушенный театр. Я видел женщин-землекопов, возводящих укрепления на подступах к Москве. Я видел женщин-дружинниц, вооруженных винтовками, патрулирующих улицу Горького. Им было чуть больше двадцати: голубые беретки, защитные гимнастерки и солдатские сапоги.

Каждый день роты народного ополчения — мужчины, слишком старые и слишком молодые для службы в армии, — уходили из города рыть окопы и танковые рвы. Мальчишки и старики обучались стрелять из винтовок, пулеметов, бросать гранаты и бутылки с зажигательной смесью. В газетных киосках продавались военные методические пособия. В «Учительской газете» была напечатана статья, в которой говорилось, что самая главная обязанность школы в этом году — подготовить мужественных солдат и героических защитников Отечества. В битве за Москву участвовало много вчерашних школьников. Они бросали бутылки с горючей смесью в танки и бронетранспортеры, вели разведку в тылу врага и информировали Красную Армию о передвижениях войск противника.

Советские люди быстрее, чем какая-либо другая нация, смогли перейти на военное положение. Неудивительно: двадцать пять лет их страна не знала мира — первая мировая война, гражданская война, интервенция, голод, блокада капиталистических государств и одновременно напряженная и постоянная борьба за превращение феодальной России в индустриальную державу. Кровь, пот и слезы не в новинку советским людям, не в новинку и жертвы.

И все же война не научила людей улыбаться. Я видел, как они улыбаются, выходя из театра оперетты после американской музыкальной комедии «Роз Мари». Я видел, как они смеются во МХАТе на «Пиквикском клубе» Диккенса

и «Школе злословия» Шеридана. Страна шла на небывалые жертвы, но правительство продолжало заботиться о балете, опере и симфонических оркестрах: все это являлось частью духовной жизни страны и не могло быть принесено в жертву.

В первое свое воскресенье в Москве я попал на открытие театрального сезона в Большом театре. «Лебединое озеро» Чайковского. В первом ряду сидели сэр Стэффорд Криппс, генерал Мэсон Макфарлейн, адмирал Майлс и другие члены британской миссии. Но не потому мне памятно это представление. Меня поразили дети. Они были всюду: в партере, в ложах, на балконе — и с восторгом следили за каждым движением танцоров. Так американские мальчишки следили бы за игрой бейсболистов. Когда упал финальный занавес, дети заполнили проходы и восторженно аплодировали балерине Ольге Лепешинской. Одна девочка с косичками подняла над головой букетик из трех склоненных гвоздичек, и, когда Лепешинская вновь выскользнула из-за занавеса, цветы упали к ее ногам. Знаменитая балерина грациозно подняла и прижала их к груди так, словно то были не три увядшие гвоздички — букет редчайших орхидей.

Люди на время забывали о войне, но, когда кончался спектакль и они выходили на улицу, война напоминала о себе мрачной темнотой. В Москве была самая «темная» светомаскировка в Европе. Не горел ни один уличный фонарь, ни одной полоски света не было в окнах домов. Не горели даже звезды на кремлевских башнях.

Сирена воздушной тревоги прозвучала и затихла. Как и во все московские квартиры, она вошла в мою через динамик радио, которое здесь никогда не выключают. Я надел шинель, прихватил с собой пачку газет и отправился на станцию метро «Дворец Советов»¹. Осеннее небо было усыпано звездами, но фонари не горели, и я осторожно продвигался по бульжной мостовой. Самолетов еще не было слышно.

¹ Сейчас станция «Кропоткинская».

Я ВИДЕЛ МОСКВУ 41-ГО

Уоллис КЭРОЛЛ,
американский журналист

В ста метрах от входа в метро целые семьи спокойно, без спешки занимали места в одной из двух очередей. Я тоже встал в очередь. Справа загрохотали зенитки, и на небе затрепетали огненные бабочки разрывающихся снарядов. Они скользили все ближе к нам, канонада становилась громче — и вот уже бабочки запорхали прямо над головой. Зенитки рокотали повсюду — Москва оградилась от непрошенных гостей стеной огня. Наконец я вошел в метро.

Метро — гордость москвичей: мраморные стены, колонны из мрамора, бронзовые люстры. Теперь оно было главным бомбоубежищем столицы. В восемь вечера поезда прекращали движение, и на станциях производилась уборка. В девять метро открывалось для матерей и детей. Мужчины ждали вплоть до объявления воздушной тревоги, после чего присоединялись к своим семьям.

В четырех поездах, оставленных на станции, уже спали дети, рядом сидели матери. На платформе для них были расставлены раскладушки. На одной из них сидела молодая мать и кормила ребенка. Врачи и медсестры в белых халатах делали обход.

На самой платформе мест не оказалось. Я спустился в туннель. Там уже были люди. Мне пришлось пройти метров двести, прежде чем я нашел свободное место, расстелил газеты и сел. Стены вибрировали от грохота зениток, но самолетов не было слышно. Опоздавшие шли мимо, дальше, в поисках места. Милиционер делал обход.

— Спице, товарищи,— говорил он.— Завтра на работу, товарищи.

Я никак не мог найти удобное положение. Ко мне подошел милиционер.

— Спице, товарищи,— сказал он. Потом посмотрел на меня и добавил: — Вы тоже, товарищ.

Четырнадцатого сентября меня пригласили в комиссариат по иностранным делам и сообщили, что мне и еще нескольким иностранным журналистам разрешена поездка на фронт. На следующий день наша группа на шести

автомобилях М-1 мчалась по Смоленской дороге к фронту. Дорога, насколько хватал глаз, была заполнена грузовиками с ящиками боеприпасов и продовольствия. Вдали показались несколько домиков и церквушка, одиноко стоящие посреди огромной равнины. Бородино. По обе стороны шоссе поле было изрыто противотанковыми рвами. Справа от дороги рабочий батальон копал новый ров.

В два часа дня мы свернули на Вязьму. Там Наполеон отдавал приказ о наступлении на Москву. Над нами пролетели несколько МиГов, о которых мы так много слышали в Москве. Они приземлились за деревьями неподалеку от нас.

Машины въехали в лес. Вскоре сквозь сосны показалась широкая поляна и несколько деревянных домиков. По-видимому, самолеты приземлялись где-то здесь, но никаких признаков аэродрома я не заметил. Из-за деревьев вынырнул автомобиль, из которого вышел человек в летном комбинезоне, представился: «Генерал-майор Георгий Захаров. Самолеты, которые вы только что видели, вернулись из рейда на фашистский аэродром под Смоленском». Мы прошли к краю поляны и только тогда заметили несколько самолетов, замаскированных ветвями. По нашей просьбе один из самолетов раскрыли. На правом крыле я заметил дыру примерно с подошву диаметром. Захаров представил нас пилоту — младшему лейтенанту девятнадцати лет. Герой кратко рассказал нам о полете.

— Спикировал. В трехстах метрах от земли сбросил груз. Когда выходили из пике, снаряд угодил в крыло.

— Тряхнуло? — спросил я.

— Немного,— ответил он.

Затем мы отправились в штаб дивизии полковника Кириллова, который со своей частью противостоял натиску девяти фашистских дивизий. Вокруг рывали орудия — «килограммы Ворошилова» летели на запад. Под деревьями стояли танки, в любую минуту готовые контратаковать в случае прорыва бронетанковых подразделений противника.

Мы прошли к навесу, где нас уже ждал накрытый стол. У входа стоял часовой — четырнадцатилетний мальчишка. Позже нам рассказали, что фашисты убили его отца и мать. Мальчишку же нашли в развалинах одного из домов Ярцева, уничтоженного немцами при отступлении. Он стал сыном полка.

Мы сели за стол. Совсем рядом стучал пулемет, но он, казалось, никому не мешал. За обедом много говорили о том, что Советский Союз воюет не против германского народа, но против фашизма. Я слышал, что еще в июле сорок первого года во время подписания договора между СССР и Великобританией Сталин лично внес в документ поправку: усилия союзников направлялись против гитлеровской Германии.

После обеда нам показали полевой госпиталь дивизии, расположившийся в просторном блиндаже. Стены и потолки были обтянуты белыми простынями. Операционный стол, инструменты, постели — все было настолько же чисто, как в хорошей больнице большого города. Главным хирургом госпиталя оказалась молодая девушка, только получившая диплом военного врача.

Мы посетили дивизионный клуб — несколько блиндажей, соединенных узкими переходами. По подземному коридору мы попали в библиотеку. На полках стояли произведения Ленина, Толстого, Достоевского, пьесы Ибсена и... поэмы Гейне!

Бревенчатые стены блиндажа сотрясались от грохота пушек, осыпалась земля: бой шел на одной из близлежащих высот.

Ночевали мы в дивизионном госпитале. Спали на матрацах, набитых свежей соломой, под канонаду, не стихавшую всю ночь. Высоко в небе зажигались осветительные ракеты и медленно скользили вниз, отбрасывая яркий мигающий свет. Несколько бомб разорвались совсем рядом...

Утром мы направились к Ельне, двигаясь параллельно фронту. Когда-нибудь в этом городе воздвигнут памятник: здесь миф о непобедимости германской армии был поставлен под сомнение. Впервые человек произнес: «Эта земля освобождена от Гитлера».

Выехав из леса, мы оказались на плоской равнине, изрытой следами недавнего жестокого сражения. Через каждые пятнадцать метров стрелковые ячейки, в которых бойцы поджидали вражеские танки. Когда танк приближался на несколько метров, отсюда в него летели гранаты. Малейший просчет мог означать только одно — смерть.

За аккуратным деревянным забором высился холмик. На нем табличка: «Братская могила. Они погибли как герои. 29 июля — 5 сентября 1941 года».

Издали Ельня казалась мирным провинциальным городком, не тронутым войной. Но когда мы въехали в него, то увидели обугленные руины. Городок оказался почти необитаемым. Нам рассказали, что в ночь на 4 сентября фашисты заперли местных жителей в церкви и подожгли город.

Вечером мы приехали в деревню в двадцати километрах от Ельни. Здесь мы провели свою последнюю ночь на фронте.

Третьего октября в Берлине Гитлер заявил: «Россия на коленях и никогда уже не поднимется». Неделю спустя его пресс-атташе Отто Дитрих вернулся с Восточного фронта с сообщением, что шестьдесят или семьдесят русских дивизий окружены под Вязьмой и Брянском. «С уничтожением этих группировок, — сказал он, — восточная кампания решена».

У немцев не было причин не доверять Отто Дитриху. Каждый солдат, каждая унция металла, имевшиеся в распоряжении империи, были отданы маршалу фон Боку, наступавшему на Москву. Со всей Европы, поработанной рейхом, на этот участок фронта стягивалась боевая техника. Советский Союз ждало суровейшее испытание.

Шли первые недели октября. Все больше автомашин с солдатами въезжали в Москву с востока и двигались дальше по Смоленской дороге на запад. По Красной площади и улице Горького шли и шли рабочие батальоны — старики, женщины, подростки с лопатами на плечах. Каждый день сотни тысяч москвичей выходили из города возводить оборонительные сооружения на подступах к столице. На заводах и фабриках, в старших классах школ офицеры обучали строить баррикады и вести уличные бои. По радио Москвы звучали голоса рабочих Ленинграда: «Фашистам никогда не идти по улицам нашего города!» И Москва отвечала: «Фашистские варвары никогда не осквернят нашу столицу. Москва была, есть и будет советской!»

Утром домохозяйки вставали в очереди в овощные магазины, где продавали картофель и капусту. Рабочие входили и выходили из метро. В полдень люди собирались вокруг громкоговорителей послушать и обсудить новости с фронта. Напротив станции метро «Дворец Советов» по-прежнему стоял зеленый киоск, где продавались гладиолусы, белые и розовые астры. Милиционер по-прежнему регулировал движение. А вечером люди выходили из театров, напевая любимые мелодии. Покуда жизнь продолжает свое нормальное течение, покуда домохозяйка встает в очередь, шофер садится за руль своего автобуса и везет рабочих на завод, покуда артисты играют комедию, город будет стоять и выстоит, несмотря ни на что.

В Москве я увидел, что у народа и его правительства могут быть одни цели. Правительство снабжало массы винтовками, гранатами и учило, как ими пользоваться, как строить баррикады и как воевать. На Западе же продолжали верить, что «советский режим» держится лишь на терроре и страхе. В период тяжелейшего испытания Советское правительство вложило в руки своего народа оружие, ни на минуту не опасаясь, что оружие может быть повернуто против Советского государства. Ни одно правительство не решилось бы на такое.

Каждый день я посылал сообщения в Нью-Йорк о положении дел на Восточном фронте. Я не уставал повторять, что в противоположность утверждениям германского командования Красная Армия далеко не разгромлена, продолжает воевать — и хорошо воевать.

Пятнадцатого октября было морозно и ясно. Зенитки грохотали всю ночь, и мы узнали, что фашисты подвергли жесточайшей бомбардировке Смоленское шоссе, пытаясь не пропустить советские подкрепления в Можайск.

В час тридцать всех корреспондентов пригласили в американское посольство. Здесь нам сообщили, что дипломатический корпус и пресса ночью должны покинуть Москву и выехать в Куйбышев.

Москва погрузилась в безлунную ночь. Снег летел в зашторенные фары машин. Мы медленно продвигались по темным улицам. В противоположном направлении по Садовому кольцу двигались колонны грузовиков с людьми и боеприпасами. За ними следовали тракторы с прицепами пушками, обвязанными сосновыми ветвями. На остановках в ожидании троллейбуса стояли рабочие. По центру дороги маршировали люди в шинелях, штыки винтовок отливали синеватым блеском. На одном из перекрестков мы затормозили: навстречу шел рабочий батальон. Женщины, закутанные в платки, размеренным шагом проходили мимо нас — и пели!

На вокзале было полно народу. Эшелоны с востока продолжали подвозить подкрепления.

— Итак, вы уезжаете, — вдруг услышал я. Передо мной стояла женщина, с которой я познакомился на одном из вечеров, устроенных Советским Информбюро для иностранных журналистов.

— Да, — сказал я, — в Куйбышев.

— Куда потом?

— Домой, в Америку.

— Ваша семья там?

— Да. Жена и девочка, которую я еще не видел. А у вас есть дети?

— Дочь осталась с матерью на Украине. Теперь там немцы.

— А муж?

Она отвернулась.

— Он погиб. — Некоторое время она молчала, потом добавила: — Он служил в танковом батальоне, который атаковал танковую дивизию — целую дивизию. Кажется, ею командовал Гудериан. Никто не вернулся из боя.

В час тридцать наш поезд медленно отошел от платформы. Вокруг рокотали зенитки, и небо было усеяно огненными бабочками.

Фашисты рвались к Москве. Наступление было настойчивым и яростным. Красная Армия стояла насмерть, и ни на одном участке Московского фронта противнику не удалось добиться успеха. Однако в конце первой недели октября положение резко изменилось. Под Малоярославцем фон Боку удалось сконцентрировать огромное количество танковых, мотопехотных и воздушных частей. Они прорвали оборону и 14 октября ворвались в Можайск. Теперь дорогу на Москву преграждали лишь вырытые ополченцами окопы, стрелковые ячейки и несколько противотанковых рвов. Казалось, Москва была уже у Гитлера в руках. Именно поэтому 15 октября нам было приказано покинуть столицу.

До этого момента Москва сохраняла полное спокойствие. Утром 16 октября сообщение о прорыве появилось в московских газетах. Вечером по радио выступил Александр Щербаков. «Москву можно спасти, и она будет спасена, — сказал он. — Мы готовы к защите столицы».

По городу шли войска. Вокруг Москвы цепочки рабочих батальонов под беспощадным огнем истребителей, под взрывами бомб и атаками парашютистов продолжали возводить укрепления.

Наступление фашистов продолжалось, и части фон Бока вплотную подошли к Москве. Москва по-прежнему оставалась неприступной. Немцы были выбиты из Можайска, советские войска под Вязьмой прорвали окружение и перешли на новые оборонительные рубежи. Пришло время, и Красная Армия захватила инициативу и погнала врага назад. Такова история обороны Москвы, какой я ее услышал уже в Куйбышеве.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

ДЕВЯТЬ СТАРТОВ „ИНТЕРКОСМОСА“

Владимир ГУБАРЕВ

Поле нашего сотрудничества охватывает все новые сферы. Пример тому — программа «Интеркосмос». Космонавты братских стран работают не только для науки и для народного хозяйства. Они выполняют и огромного значения политическую миссию.

Л. И. БРЕЖНЕВ

(Из Отчетного доклада XXVI съезду КПСС)

...И все-таки было чуточку грустно, хотя веселились от души, вспоминая первые дни своего знакомства.

— Помнишь, Георгий, как мы заставляли тебя сбрить усы?

— А ты, Берталан, никак не мог запомнить, как они называются по-русски!

— А Валерий казался нам таким строгим...

— Я думал, что девушки Звездного влюбятся в тебя с первого взгляда, ведь ты был холостяком, Володя. Кстати, кто дал слово никогда не жениться, помнишь?..

В канун 20-летия со дня старта Юрия Гагарина космонавты социалистических стран побывали в памятных местах, связанных с жизнью первого космонавта планеты. Потом приехали в Центр управления полетом — в космосе работали Владимир Коваленок и Виктор Савиных. К сожалению, Думитру Прунариу не смог побывать на этом сеансе связи — вместе с Леонидом Поповым он готовился к своему старту.

Потом Мирослав Гермашевский и Фам Туан провожали своих друзей, которые возвращались домой. А Гермашевский и Туан пока москвичи: они учатся здесь.

Прошло всего четыре года... Они потребовали полной отдачи сил, мужества, упорства — ведь подготовка к полету в космос все еще остается сложной и трудной. Посланцы братских стран оправдали доверие, оказанное каждому их народом.

Помню встречу с академиком Борисом Николаевичем Петровым, первым председателем «Интеркосмоса». Она случилась вскоре после того, как кандидаты в космонавты из социалистических стран приехали в Звездный.

— Нравятся они мне,— сказал академик.— Как нет двух ученых, похожих друг на друга, каждый из них — индивидуальность, так же не бывает двух похожих космонавтов, даже если они кандидаты.— Борис Николаевич улыбнулся.

Наш разговор продолжился через два года, когда из космоса вернулся Георгий Иванов.

— Космонавты социалистических стран — это настоящие герои нашего времени,— сказал Б. Н. Петров.— Георгий Иванов обладает исключительным спокойствием, уравновешенностью. Во время своего полета с Николаем Рукавишниковым он ни на секунду не потерял самообладания, ничем не проявил своего волнения. Более того, экипаж, сам находясь в драматической ситуации, успокаивал персонал Центра управления полетом. И это разрядило обстановку, вселило уверенность в успех... Владимир Ремек — глубокий человек, с ним приятно обсуждать даже сугубо научные вопросы... Мирослав Гермашевский — эрудированный специалист, отличный летчик, человек исключительно доброжелательный. Зигмунд Йен прекрасно знает свое дело, он человек высокой культуры... Таким образом, когда мы оцениваем собственные чувства по отношению к космонавтам социалистических стран, которые уже поработали на орбите и которые готовятся к стартам, то можно сказать лишь одно: какие прекрасные люди!.. И очень приятно, что они сроднились с советскими космонавтами, стали единой космической семьей.

— Верилось ли вам, что всего через 10 лет после запуска первого «Интеркосмоса» на орбите будет работать космонавт из братской страны? — спросил я.

— Тогда, в октябре 1969-го, это казалось невероятным. Но многое зависело от энтузиазма людей. И прежде всего в нашей стране, ведь техника, созданная советскими людьми, обеспечила успешное выполнение программы, без нее нельзя было бы вообще говорить о сотрудничестве. И во-вторых, энтузиазм наших коллег. Несмотря на отсутствие опыта, необходимой аппаратуры, сразу же в братских странах сложились коллективы, исключительно преданные этому делу.

За 12 лет с советских космодромов были запущены 22 спутника серии «Интеркосмос», 9 высотных ракет «Вертикаль» и множество метеорологических ракет. В социалистических странах было создано более 200 научных приборов и устройств, которые успешно работали в космосе. Они исследовали ионосферу и магнитосферу, «разглядывали» Солнце и наблюдали за его активностью, «ловили» космические лучи и проводили геофизические эксперименты.

Только для полетов международных экипажей на станцию «Салют-6» было специально сконструировано свыше 30 приборов и устройств. С их помощью проведено около 150 научных экспериментов.

В странах, объединенных программой «Интеркосмос», появилась мощная научная и производственная база, которая позволяет создавать приборы столь высокой точности, что им нет равных в мировой практике.

По всем направлениям совместных работ — а они охватывают, по сути, все области космонавтики — ученые социалистических стран получили ценнейшие результаты, которые на международных конференциях и конгрессах высоко оцениваются научной общественностью. Свыше 500 научных публикаций подготовили вместе участники программы «Интеркосмос».

Девять международных экипажей выполнили обширную программу исследований и экспериментов. Потребуется несколько лет, чтобы проанализировать и обобщить полученные данные. Но не нужно забывать, что успех очередного этапа программы «Интеркосмос» стал возможен благодаря великолепной космической технике, которая создана в нашей стране, и в первую очередь орбитальному комплексу «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс». Пять длительных экспедиций советских космонавтов, продолжавшихся 96, 140, 175, 185 и 75 суток, позволили международным экипажам успешно выполнять свою работу. Причем опытные советские космонавты всегда помогали своим товарищам из братских стран социализма.

Хроника каждого старта волнует. Попробуем вместе

вспомнить некоторые эпизоды космической эпопеи, в которой приняли участие представители десяти братских стран социализма...

Старт первый: март 78-го... В Москве близится полночь. Юрий Романенко и Георгий Гречко ждут у переходного люка станции. Наконец он медленно открывается, и «Зениты» — Алексей Губарев и Владимир Ремек — в объятиях друзей. На борту орбитальной станции впервые в истории космонавтики международный экипаж.

— Ну и как работает в первые минуты после встречи? — интересуется оператор Центра управления.

Из космоса все четверо отвечают вместе:

— Дружно! С огоньком...

— Первый раз мы пролетали над Чехословакией на четвертом витке,— рассказывает из космоса Владимир Ремек,— но посмотреть на Землю было некогда. И только в «Салюте» у меня появилась возможность увидеть свою родину из космоса. Это были волнующие минуты. Сквозь облака просвечивали огни Праги, Братиславы... Одновременно мы наблюдали Польшу, ГДР, Венгрию и Советский Союз. Очень приятно так видеть Чехословакию в семье братских народов...

Старт второй: июнь 78-го... Программа требовала: «время для сна». Петр Климух устроился на потолке, подложил ладонь под щеку и закрыл глаза. А Мирослав Гермашевский смотрел через иллюминатор на Землю.

— Надо спать,— напомнил Климух,— трудный день позади, но завтра будет не легче.

— Это же мой первый день! — Мирослав улыбнулся.— Разве можно вот так сразу — спать?

А внизу был Вроцлав, неподалеку от которого живут родные Мирослава.

Командир протянул руку товарищу, а потом обнял его. Они оба забыли, что здесь невесомость, и, как положено, их отбросило вверх, прижало к мягкому потолку орбитального отсека корабля. Космонавты вновь подплыли к иллюминаторам. Вроцлав уже остался позади.

Старт третий: август 78-го... Новому международному экипажу повезло: хозяева «Салюта» Владимир Коваленок и Александр Иванченков уже на первых витках показали Валерию Быковскому и Зигмунду Йену редкое даже для длительного космического полета явление — необычайно яркие серебристые облака. Зигмунд тщательно зарисовал их в свой боржурнал.

У каждого космонавта своя программа работы. Быковский ведет консервацию корабля, проверяет его системы. Коваленок на космическом велосипеде — ему по программе нужно дважды объехать вокруг «шарика». А Иванченков и Йен колдуют у «Кристалла» и «Сплава» — на обеих печках идут технологические эксперименты, разработанные учеными СССР и ГДР.

Много часов Зигмунд Йен провел с камерой МКФ-6М, установленной на борту «Салюта». Он вел съемку суши и Мирового океана и остался очень доволен работой космического фотоаппарата, созданного учеными и специалистами СССР и ГДР и изготовленного на народном предприятии «Карл Цейс» в Йене. Сразу после полета Зигмунду предстоит поехать на этот завод, чтобы рассказать создателям, как аппарат действует...

Старт четвертый: апрель 79-го... Расстояние между космическими аппаратами сокращалось. И вот в те минуты, когда казалось, все самое трудное позади, Николай Рукавишников заметил отклонения в работе систем сближения. В работе двигателя возникли сбои, а затем он отказал вообще.

Такое случилось в космонавтике впервые.

— Думал всю ночь, как посадить «Союз»,— говорит Рукавишников.— Есть такой роман «В плену орбиты»: космонавты из-за отказа двигателя не могут вернуться... Я обязан был предусмотреть все варианты. Надо использовать все резервы, все, обязательно... Главное — войти в атмосферу... И еще знал, что надо собраться. Обоим. За Георгия был спокоен — держится молодцом!..

Утром Георгий предлагает командиру:

— Давай позавтракаем, проголодался я... Когда человек забывает о неприятностях? За столом, конечно...

— Выхожу на связь. А Елисеев уже ждет,— говорит Рукавишников.— Обсудили с ним детали и начали готовиться к спуску.

Елисеев волнуется, Рукавишников замечает это.

— Присмотрим за двигателем,— замечает он,— не беспокойтесь!

...Небольшое отступление. 12 апреля 61-го года. Стартует Юрий Гагарин. И слышен голос первого космонавта. Он ...успокаивает Землю!

И сейчас возвращаться нужно «Сатурнам», им предстоит тяжелое испытание, а они оба просят Землю не тревожиться.

«В космическом подвиге экипажа «Союза-33» сплавлены и мастерство, и мужество, и глубокое знание техники. И еще — уверенность друг в друге тех, кто на борту, и тех, кто вместе с ними на Земле... Советско-болгарский полет был самым трудным в программе «Интеркосмос» — эти слова принадлежат президенту Академии наук СССР А. П. Александрову.

Старт пятый: май 80-го... Они поют. Чаще всего перед сном. Присаживаются рядышком у обеденного стола, вспоминают о друзьях и близких, оставшихся на Земле. А потом Леонид Попов запеваает, остальные подхватывают, и песня наполняет весь их дом, несущийся с огромной скоростью над планетой...

«...Так, значит, нам нужна одна победа, одна на всех,— мы за ценой не постоим...» Песня полюбилась космонавтам. Всем, кто был в «Салюте-6». В тот вечер, когда в станцию вплыли Валерий Кубасов и Берталан Фаркаш, они вчетвером устроились у пульта № 1 и запели. Наверное, музыкантам их хор показался бы нестройным, но пели душевно, взволнованно.

У космонавтов — «бег на стометровку». Толчок — и вот уже Леонид Попов летит из одного конца станции в другой. Если смотреть от «Союза» вглубь, то «Салют» кажется каким-то фантастическим сооружением: отсеки, множество люков. Леонид Попов и Валерий Рюмин научились «проходить» их стремительно, ничего не задев,— с первой попытки, как заметил Валерий Кубасов, который, впервые попав на станцию, попытался подражать старожилам, но так чисто справиться со «стометровкой» сразу не смог. Навыки появились позже, и к концу третьих суток он и Берталан уже неплохо парили в станции.

Слышен голос оператора Центра управления. Он напоминает, что надо проводить эксперимент «Балатон», и космонавты с сожалением прекращают «соревнования». Программа есть программа, придерживаться ее надо неукоснительно...

Старт шестой: июль 80-го... Телеэкраны зажглись в Центре управления, как обычно, ночью. И мы увидели космонавтов. Первым из люка показался Фам Туан. Традиционные хлеб и соль... Фам Туан и Виктор Горбатко передают космическим долгожителям — Леониду Попову и Валерию Рюмину — подарки с Земли: письма, свежие газеты, посылки.

Улыбается Валерий Рюмин — уже третий раз перечитывает письмо от жены, а Леонид Попов устроился наверху, там, у потолка: все-таки пользуются космонавты привычными понятиями: «пол», «потолок», «стена». А Горбатко с Туаном закончили первоочередные дела по консервации корабля и уплыли в переходной отсек, откуда лучше всего наблюдать Землю.

Фам Туан смотрел вниз долго, Виктор Горбатко не мешал ему, понимая, сколько чувств, волнующих и светлых, всколыхнулось в его душе.

Совсем недавно во Вьетнаме появился Комитет по исследованию и использованию космического пространства. Многие лаборатории еще только создаются, опыта нет, и на помощь вьетнамским ученым пришли специалисты стран социалистического содружества.

— Я бесконечно счастлив, здесь очень красиво,— слышен из космоса голос Фам Туана,— я постоянно чувствую заботу братьев-космонавтов, их настоящую мужскую дружбу, как и дружбу наших народов.

Старт седьмой: сентябрь 80-го... Под орбитальным комплексом — Куба.

У международного экипажа очень напряженные минуты. Ведь они ведут геофизические исследования. В программе полета этот эксперимент появился в результате совместной работы ученых и специалистов Кубы, Советского Союза, ГДР и Болгарии.

Над островом много раз летал самолет-лаборатория, на борту которого был установлен фотоаппарат МКФ-6. Проводилась съемка эталонных полигонов, которые отражают различные природные образования на территории острова и прилегающей к нему акватории океана. Это были эксперименты «Тропико-1» и «Тропико-2». Продолжение этих работ на борту космического комплекса. Те же районы должны сниматься с помощью болгарского прибора «Спектор-15». А на Земле работают экспедиции специалистов-геологов. Таким образом, изучение природных ресурсов Кубы идет на «трех уровнях» — с поверхности, с самолета и из космоса. Ученые уверены, что полученные результаты помогут более эффективно использовать природные ресурсы.

— Красивый остров,— говорит Леонид Попов,— светится... Словно жемчужина среди океана...

Старт восьмой: март 81-го... Судьба запуска нового международного экипажа зависела от успешной работы на первом этапе полета Владимира Коваленка и Виктора Савиных. И они потрудились на славу! Они подготовили всю научную аппаратуру орбитального комплекса к работе.

Владимир Джанибеков и Жугдэрдэмидийн Гуррагча привели свой корабль к «Салюту». Космонавты перешли в станцию и, как и было положено, вместе, вчетвером, неделю работали над Землей, выполнив обширную научную программу. А перед возвращением на Землю Ж. Гуррагча сказал:

— Крылья социализма подняли в космос гражданина Монголии. Великий советский народ протягивает нам братскую руку — с его помощью мы уверенно шагаем в будущее. И теперь не только на Земле, но и в космосе.

Старт девятый: май 81-го... Байконур салютовал кораблю всем богатством красок, на которые столь щедро степь во время ночного старта. Сначала робкий огонь, вырвавшийся из ракетных дюз, высветил черноту степи, разлил по ней синеву. А затем, когда прозвучала команда «Промежуточная!», — не языки пламени, а огненные столбы выросли под носителем, и красный фон вытеснил синеву. И уже не ночь царила над степью, но солнечный закат. Такое впечатление, будто вернулся вчерашний вечер — он угасал долго, и космонавты вдосталь налюбовались последней перед стартом земной зарей. И вот над космодромом звучит «Подъем!», и вновь родилось солнце. Яркий шар понес ввысь двух людей планеты — Леонида Попова и первого космонавта Румынии Думитру Прунариу.

Так начался полет советско-румынского экипажа — очередной шаг программы «Интеркосмос».

И так уходил в космос легендарный теперь уже корабль «Союз», ведь цифра 40 — последняя в его послужном списке. Ему на смену пришел модифицированный «Союз Т».

Эпилога не будет, потому что готовятся к новым стартам экипажи, в том числе и международные. Очень хорошо об этом сказал дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, руководитель подготовки космонавтов Владимир Шаталов:

— Минувшие годы были очень трудными, ведь осуществлена огромная по своим масштабам программа. В ее начале мы столкнулись со множеством проблем — от создания новых методик подготовки к полетам космонавтов-исследователей социалистических стран до преодоления языкового барьера. И то, что все старты международных экипажей прошли четко, успешно и с большой эффективностью, свидетельствует об отличной их подготовке. Я глубоко убежден, что в недалеком будущем мы вновь увидим на орбите международные экипажи, в составе которых будут представители братских стран социализма.

Итак, до новых стартов, друзья!

На границе американских штатов Кентукки и Западная Виргиния петляет между горных кряжей Аппалачей маленькая, но бурная в половодье речушка Таг. Местные жители называют свой лесной край, удаленный от больших автострад, железных дорог и авиалиний, «кончиком хвоста от ничего».

Лишь недавно появилась на реке Таг своя достопримечательность — новый мост. Выглядит он весьма заурядно: бетонный, длиною около ста метров и настолько узкий, что две встречные машины по нему не проедут. Тем не менее строительство моста неожиданно вызвало настоящую сенсацию. О ней долго шумели ведущие радио- и телевизионные станции Америки, крупнейшие газеты и журналы. О постройке этого моста даже был сочинен киносценарий и написаны книга и пьеса. Громилы из ку-клукс-клана пригрозили взорвать новый мост. Почему?

Однажды в газете «Вашингтон пост» промелькнуло любопытное сообщение. Короткая заметка в дюжину строк сообщала, что в стране образцовых транспортных коммуникаций есть населенный пункт, «целиком оторванный от цивилизации». И мэр этого селения под названием Вулкан, оказывается, вот уже который раз умоляет власти помочь построить мост через неширокую речку Таг, чтобы связать поселок с остальным миром. Поскольку все просьбы о мосте оказались тщетными, потерявший последнюю надежду мэр объявил, что решил отныне искать сочувствия у советского народа. Влиятельнейшая и богатейшая газета американской столицы язвительно потешалась: «Полуниций мэр Джон Робинет не мог наскрести 15 долларов на свое послание Кремлю...»

Я решил без промедления добраться до речки Таг, но не тут-то было! Обратившись к географическому атласу США, я обнаружил: нужный мне поселок до того сиротски отрезан от мира, что на картах его нет. И дорога к нему тоже не обозначена. Название поселка Вулкан вовсе не ориентир: ведь никаких вулканов в Аппалачах не существует. И, отправляясь туда из Нью-Йорка, испытывал я поначалу тревожное замешательство: предстояла репортерская поездка в загадочную неизвестность...

Накануне выезда все же удалось выяснить, что сперва надо самолетом лететь до города Хантингтона в штате Западная Виргиния, затем автобусом доехать до городка Уильямсон, а оттуда по берегу Таг добираться до заброшенного на американские кулички Вулкана.

Еще из Нью-Йорка я дозвонился в городок Уильямсон и поинтересовался у телефонистки: не найдется ли на следующий день проводника до поселка мэра Робинета? Она предложила мне перезвонить, и в назначенное время я услышал в трубке взволнованный мужской голос:

— Это Джон Робинет. Буду ждать вас на автобусной станции в Уильямсоне. Мы очень рады вашему приезду.

ВСТРЕЧА

Полдня летел я самолетом. Затем полдня ехал автобусом. Шоссе было пустынным, встречных машин попадалось мало, придорожные селения поражали безлюдьем. Видел на двух полустанках неподвижные составы из порожних угольных платформ. Так же неподвижно вытянулась вдоль шоссе колонна пустых грузовиков-углевозов. В Аппалачах бастовали шахтеры. Их стачка парализовала жизнь обширного района на стыке Западной Виргинии со штатами Кентукки и Огайо.

На остановке автобуса в Уильямсоне пассажиры с любопытством прильнули к окошкам. Снаружи толпились люди с телевизионными камерами, микрофонами, фотоаппаратами. Выйдя из автобуса, я решил в сторонке дожидаться мэра, но не сделал и двух шагов, как ко мне ринулись незнакомцы.

— Это вы советский корреспондент?

— Да, — сказал я. — А в чем дело, господа?

— Эй, ребята! — раздался крик. — Это он. Где же Робинет?

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ТАГ

Иона АНДРОНОВ,
корреспондент «Литературной газеты» —
для «Ровесника»

Из-за спин репортеров и телеоператоров протиснулся худощавый человек средних лет в заношенной рабочей куртке. Он был смущен и слегка растерян. Мы обменялись рукопожатием. Вспыхнули блицы, заработали телекамеры, отовсюду надвинулись на нас микрофоны. Я поинтересовался: что здесь происходит? Солидный лысоватый мужчина сказал, что во главе корреспондентов столичного телевидения он полтора часа назад спешно прибыл в Уильямсон. Указав на других журналистов, прибавил:

— А это мои коллеги из местного телевидения, репортеры телеграфных агентств, корреспонденты газет. Всех привела сюда сенсация: впервые в истории Соединенных Штатов американское должностное лицо официально апеллирует к иностранцам с жалобой экономического характера. И к кому? К Советской России! Теперь приготовьтесь к тому, что мы будем следовать за вами по пятам и записывать каждое ваше слово из разговоров с мэром Робинетом.

Забегая вперед, скажу, что Робинету и мне во время нашей встречи в Вулкане и впрямь не было прохода и передышки от американских журналистов и телефонных звонков из редакций газет со всех концов США. Америка вспомнила наконец о заброшенном, безвестном поселке. И, подобно равнодушной мачехе, лишь тогда заметила пасынка, когда он отважился поведать о своих горестях далекой Москве. Это вызвало и крайнее изумление, и досаду, и стыд.

Но вернемся снова в Уильямсон, к первым минутам

знакомства с мэром Робинетом. В сопровождении репортеров он подвел меня к старенькому «пикапу»-вездеходу и сказал, что эту машину ему одолжил приятель, чтобы привезти гостя в Вулкан. Робинет объяснил:

— Видите ли, я выполняю обязанности мэра бесплатно. Жителям Вулкана содержать меня не по карману.

— А кто живет в поселке?

— Да всего сотни две шахтеров и их семьи — в основном старики. Я подрабатываю составлением различных юридических справок, документов, прошений. А раньше был шахтером, чернорабочим, слесарем... Мэром стал потому, что долго хлопотал о строительстве дороги к Вулкану и моста через речку. Без них поселок обречен на гибель.

— Почему вы решили обратиться к Советскому Союзу?

— Это наша последняя надежда. Мы просим построить дорогу с 1953-го, а мост — с 1974 года. Обивали пороги вплоть до губернатора, но все зря. Я воззвал к милосердию президента, но из Белого дома тоже получил отказ. Я потерял веру в наше правительство, хотя люблю мою страну, мой народ, моих земляков.

На снимках: мэр селения Вулкан Джон Робинет и он же с автором очерка И. Андроновым.

ДОРОГА

Миль двадцать к югу от Уильямсона мы проехали по сносной мощеной дороге. Потом Робинет свернул к самому берегу речки Таг. Стеной высились гигантские скалы. По узкой полоске берега тянулась железнодорожная одноколейка. А параллельно ей, но со стороны крутого речного обрыва шла размытая дождями проезжая тропа. На нее-то Робинет и вывел вездеход, прижимая машину к рельсам одноколейки.

— Тут ходят составы с углем, — пояснил Робинет. — Если зазеваемся, поезд налетит сзади. Но и без того тропа всегда скользкая, и машины часто падают вниз.

— А далеко до Вулкана?

— Три мили.

— Значит, проехать к вам все же можно?

— Нельзя, — отрицательно мотнул головой мэр. — Запрещено. Сейчас сами убедитесь.

Метров через сто стоял столб с фанерным щитом, на котором я прочел: «Проезд запрещен. Частная собственность «Норт Уэстерн».

Робинет прокомментировал:

— И меня и вас могут арестовать за нарушение права собственности этой железнодорожной компании. Ей принадлежат одноколейка и земля до обрыва над рекой. А мы — злостные нарушители закона. Одноколейка проходит через Вулкан, но жители не могут пользоваться ни железной дорогой, ни тропой.

Мэр рассказал, как по этой самой «закрытой» тропе люди из поселка пробираются за продуктами, потому что в Вулкане нет лавки. И медпункта тоже нет, а когда кто-нибудь серьезно заболевает, помочь человеку почти невозможно, врача надо везти тайно, а на это не всякий согласится. Да и риск велик: то ли поезд сковырнет машину в реку, то ли она сама туда свалится. А так как и школы в Вулкане нет, то детвору отправляют на уроки в соседнее селение по той же запретной тропе. Из страха матери держат в непогоду детей дома.

...До Вулкана мы все-таки добрались. Я увидел россыпь одноэтажных деревянных домиков и приземистых хижин. Перед входом в «резиденцию» мэра зеленела большая лужа. Рядом на шесте морщились выцветшие звезды и полосы американского флага. Внутри на стене висела картинка с изображением президента Кеннеди, на тумбочке лежала библия. Было ясно, что мэр — типичный сельский житель, «лояльный гражданин».

Следом за нами потянулись соседи мэра. Молодые и пожилые шахтеры, их жены с детьми, старики и старухи. Первой заговорила Мира Холли, поселковый почтальон:

— Очень хорошо, что приехал советский журналист. А то ведь наших жалоб никто не слушает. Если бы вы знали, как плачут женщины, отправляя ребят в школу. На этой дьявольской тропе вдоль железной дороги попала под поезд Мэри Аллес. Ее мать от горя заболела и умерла. Двое мужчин сорвались с обрыва и утонули. Что будет с нами дальше?

Молодая женщина Линда Мэнн, крепильщица с угольной шахты, сказала:

— Два раза в день я пробираюсь на шахту из Вулкана и обратно. Однажды в дождь я поскользнулась, но успела ухватиться за куст, а то бы утонула. Речка у нас горная, вода ледяная, в ней вмиг окоченеешь. Мы одобряем действия мэра, который старается спасти с вашей помощью наш поселок.

МОСТ

С мэром и его соседями мы пошли к реке. По противоположному берегу, на расстоянии всего каких-нибудь 90 метров, катили легковые машины и грузовики. Там вдоль реки идет асфальтированная дорога.

Джон Робинет тронул меня за плечо и показал на четыре цементные глыбы у обрыва. Это все, что осталось от опор канатного пешеходного моста. Жители Вулкана

заботливо его ремонтировали, укрепляли подпорками, скрепляли веревками и проволокой. Но мост все равно ветшал, и в итоге рухнул в речку Таг. С того дня поселок просил власти Западной Виргинии о помощи.

Вместе с Робинетом выпрашивал мост у властей еще один старожил Вулкана — шахтер Уильям Маунтс. Но сейчас он уже не ходок по кабинетам чиновников: после обвала в шахте Маунтса вынесли на поверхность со сломанными руками и ногами.

Пока мы разговаривали с жителями Вулкана, репортеры крутились вокруг. Вдруг один из них, потрясая транзистором, закричал: «Внимание! Власти штата объявляют, что в течение года построят мост!»

Все бросились к приемнику. Диктор сообщил, что одновременно с приездом советского корреспондента администрация Западной Виргинии в столице штата Чарлстоне экстренно созвала пресс-конференцию и пообещала построить Вулкану мост.

Вскоре корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс передал из Вулкана единодушное мнение жителей, собравшихся на берегу: «Теперь ясно, что расшевелить наши власти можно только при условии, если мы пожалуемся русским». Мои собеседники, однако, по-прежнему толпились с угрюмыми лицами на берегу. Мэр объяснил:

— Нас наверняка хотят обмануть и успокоить до вашего отъезда отсюда. Это не первое обещание. Пока не построят мост, нам нет повода радоваться.

На прощание Джон Робинет попросил:

— Не забывайте нас. Сообщите в Москву, передайте наше обращение к вашему правительству и расскажите, что хлопоту я за рабочих людей. Если не добьемся постройки моста, то бежать нам надо, выходит, отсюда? Да ведь здесь наш дом, здесь мы родились, живем и здесь в землю ляжем. И денег у нас нет на переезды и обустройство на новом месте.

ЭПИЛОГ

Выбравшись из Вулкана, ехал я потом опять в автобусе по извилистому шоссе вдоль берега речки Таг. Вся прибрежная полоса была усеяна уродливыми трофеями весеннего наводнения — обломками досок и столбов, грязным тряпьем и изломанными оконными рамами, столами, стульями, кроватями. На мелководье торчали из реки ржавые скелеты сметенных потоком автомобилей. Все поселки на десятки километров к северу от Вулкана ежегодно страдают от разрушительных речных разливов. Сотни бездомных жителей ищут убежища на окрестных сопках Аппалачей. Ущерб от стихийных бедствий исчисляется десятками миллионов долларов. Население по обоим берегам Таг уже долгие годы просит власти построить на реке защитную дамбу, но никаких результатов. Жертвы наводнения неоднократно отправляли в Вашингтон своих ходоков с петициями к сенату США и Белому дому, чтобы наконец добиться от правительства сооружения плотины. Но всякий раз они ни с чем возвращались домой.

Вернувшись в Нью-Йорк, я вскоре узнал, что власти Западной Виргинии обвинили мэра Робинета в «подстрекательстве». Он получил нагоняй от помощника губернатора Западной Виргинии. Выговор имел политическую подоплеку: губернатор обещал во время предвыборной кампании построить необходимые штату плотины, дороги и мосты. Но губернатор не сдержал слова, и публичные напоминания об этом ему были вдвойне неприятны, так как он, по сведениям американской прессы, готовится и дальше участвовать в состязании претендентов на высокую законодательную должность. Губернатору 43 года, его считают очень честолюбивым и самым богатым политическим администратором. Он мультимиллионер. Состояние его семьи составляет около двух миллиардов долларов. Имя губернатора — Джон Рокфеллер-четвертый.

В поединке с таким могучим противником беднягу Робинета наверняка ожидало суровое возмездие, если

бы не выручила его, как признала газета «Нью-Йорк таймс», «сила советской печати». Мэр огласил присланное ему официально из Москвы письмо представителей советской общественности. В письме, в частности, говорилось:

«Уважаемый господин Робинет! В трудную для вас минуту Вы вспомнили о нашей стране, о советских людях. Тем самым Вы воздали должное добрым чувствам, которые присущи советским людям. Мы выражаем Вам наше сочувствие в связи с трудностями, выпавшими на долю жителей Вашего поселка. Советский Союз упорно и настойчиво предлагает практические меры к сокращению военных бюджетов и обузданию гонки вооружений ради упрочения мира и с целью высвободить огромные средства на обеспечение жизненного благополучия множества людей, на мирное строительство дорог, мостов, школ, госпиталей, жилых домов. Во имя этих целей Советский Союз твердо намерен и впредь проводить курс на дальнейшее улучшение советско-американских отношений, ибо только такой курс отвечает высшим национальным интересам наших стран. Советские люди всегда стремились и стремятся к взаимопониманию с народом Соединенных Штатов. Это соответствует интересам всех народов мира».

Не берусь судить, какое конкретно воздействие оказало это письмо, но после его огласки Джон Робинет позвонил мне в Нью-Йорк и сообщил ликующе:

— Наши власти объявили, что приступят на днях к строительству моста для Вулкана! Передайте в Москву огромное сердечное спасибо от наших людей. Передайте, что у нас на речке Таг будет отныне мост американо-советской дружбы!

...Мост через Таг был сооружен, а я получил приглашение на церемонию его открытия. Тогда же начальник транспортного управления администрации Западной Виргинии Чарльз Престон откровенно заявил:

— Мост построен только потому, что кто-то из высших эшелонов власти в Вашингтоне приказал это сделать с целью ликвидировать постыдный для нас инцидент. Ведь история с мостом разрослась до международных масштабов.

Обитатели Вулкана бурно радовались своей победе. На речном берегу у нового моста сотни жителей окрестных шахтерских сел устроили шумный народный праздник. Под аплодисменты толпы мэр Робинет во всеуслышание провозгласил: «Наш мост построен благодаря отзывчивости России. Ура!» Джон Робинет торжественно разрезал красную ленту между перилами моста. Вокруг люди улыбались, поздравляли друг друга, подходили ко мне, дружески жали руку.

Покаяная навсегда те края, я увез на память сувенирную брошюру для туристов «Мост для Вулкана». Текст брошюры заканчивается такими словами:

«Население Вулкана теперь, после обращения к Советской России, имеет свой мост. Это маленький мост, но его символическое значение велико. Этот мост как бы символизирует надежду на то, что две великие страны, которые сегодня конфликтуют, смогут перебросить мосты через разногласия, преодолеть конфликты и работать во имя взаимного блага».

Мудрое пожелание, отражающее чаяния большинства рядовых американцев, осталось пока, к сожалению, лишь мечтой. Но все же я убедился, насколько сильны народные мечты о мире, счастье, справедливости, солидарности с трудящимися иных наций. Вслед за моим первым визитом в Вулкан я стал получать письма от подражателей мэру Робинету: безработные из Чикаго молили защитить их от произвола полиции, а политзаключенные из тюрьмы на юге штата Индианс звали немедля прибыть им на подмогу. Вождь индейского племени в Калифорнии просил помочь его сородичам вернуть отнятые у них земли. Фермеры из Джорджии жаловались на обирающих их спекулянтов — перекупщиков сельскохозяйственной продукции. Но что здесь можно поделать? Случившееся в Вулкане — редкостное житейское чудо.

Нью-Йорк — Москва

«Уважаемая редакция! Я год назад подписался на ваш журнал и сразу его полюбил. Там были хоть какие-то сведения о поп-музыке и интересные подробности из зарубежной жизни.

Получаю сейчас ваш журнал. И что там! 1 стр.— строительство газопровода во Вьетнаме; 2 стр.— длинная статья о положении Бенина, и, главное, никаких сведений о поп-музыке. Вы меня извините, но я полагаю (судя по журналу), что любой мальчик нашего класса

знает об инструментальных ансамблях больше вашего главного редактора.

Мне (и не только) неинтересно, что делается в Лаосе и других африканских (!!) странах. Меня и моих сверстников интересуют хорошие аспекты жизни молодежи Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, ФРГ... Не все же молодые люди там безработные. А про то, что половина (!!) американской молодежи питается очистками с помоек, мы, извините, и без вас знаем». Ну и так далее.

Такое вот письмо пришло от ленинградского школьника, подписавшегося так: «Петя», а школу не назову: за правду по головке не погладят...» Что ж, дело житейское — редкие письма похожего содержания, нет-нет и поступающие в редакцию, подписываются похоже. Трусоватые «борцы» за правду, как правило, остерегаются выступать, как говорится, с поднятым забралом. Причем надо думать, остерегаются не столько редакции, сколько тех, от чьего имени («Мне (и не только) неинтересно...») пытаются выступать. Еще бы!! Легко представить реакцию Петиных одноклассников на его откровения. Вот уж действительно по головке его бы не погладили, потому что дремучий эгоизм, безразличие к жизни других народов, к борьбе сверстников за существование — это нечто такое, что в сознании любого нормального человека выглядит омерзительным.

Итак, что делается в Лаосе, простодушно перемещенном в Африку, как отражается повальная безработица на молодежи, автора письма не интересует. Зато ему хочется знать о «хороших аспектах жизни молодежи» в мире капитала, то есть о том, что еще четверть века назад великий итальянский кинорежиссер Федерико Феллини заклеил «Сладкой жизнью».

Такая жизнь, растленная и растлевающая, не выдумка. Она реальность буржуазного общества, тем более позорная и страшная, что соседствует бок о бок с нищетой, бесправием, безработицей, тщетными усилиями добиться сносного существования. Это жизнь паразитов, которые, останься они

одни, лишись они возможности паразитировать за счет тружеников, не продержались бы и дня — передохли. Жизнь пустая и глупая.

О двух разных жизнях рассказывается на последующих страницах журнала. О той, которой нельзя не сочувствовать, которой нельзя не восхищаться и которой сочувствуют и восхищаются миллионы и миллионы советских людей, и о той, которая интересует автора приведенного выше письма. Каждая из них говорит сама за себя.

Эту историю, случившуюся почти два года назад, рассказали: Дени Море, секретарь Движения коммунистической молодежи Севера Франции, Жан-Пьер Венсан, безработный, Жан-Пьер Тобмен, безработный, Жанин Маскре, безработная, Бруно Солигу, безработный. А всего участников истории, связанной с закрытием шахты «Сабатье», около ста. Сабатье — теперь стало прозвищем Жан-Пьера Венсана, девятнадцатилетнего человека, который не работал ни одного дня. Он предпочитает, чтобы его всегда называли Сабатье, а не Венсан. «Это мне напоминает, что в жизни у меня кое-что было».

Дени МОРЕ:

— Лучше всего сначала дать какое-то описание района и причин, которые заставили нас действовать так, как мы действовали. Север Франции — департаменты Нор и Па-де-Кале — это уголь. Уголь — пейзаж района. Уголь — лица людей. Детей шахтеров можно отличить сразу. Есть такая печать на лицах...

Жанин МАСКРЕ:

— Когда меня разыскали и сказали, что я должна быть в назначенный час на площади, я, конечно, ничего не поняла. Но это были мои друзья, я им верила. Они сказали: «Больше того, что ты знаешь, мы не имеем права говорить пока. Но потом, конечно, ты узнаешь все». — «Что говорить дома?» — спросила я. «Просто исчезни», — ответили мне. Мне еще не приходилось исчезать из дому надолго, и то во всех случаях я должна была что-то говорить. Жан-Пьер сказал, что мне будет очень трудно. Он держался как настоящий заговорщик, хотя мне показалось, что он сам ни черта не знает. Я пришла домой и стала собираться, то есть я приготовила еще одни очки. (В последнее время — после школы — я занималась только тем, что искала работу секретарши. Нельзя сказать, что это жизнь, богатая событиями.) Мои родители в тот день не обратили на меня внимания. Я взяла еще один свитер, такой толстый. Я не размышляла.

Дени МОРЕ:

— После второй мировой войны в районе было около ста пятидесяти тысяч шахтеров. Сейчас — пятнадцать тысяч. В сороковом году шахтерский район первым подвергся оккупации, и шахтеры были первыми, кто отказался работать на оккупантов. Это здесь все помнят, потому что причиной мужества был тоже уголь. В маленьких городках Нор и Па-де-Кале люди привыкли чувствовать, что их трудом создаются главные богатства района, богатство страны. Они привыкли ощущать важность своего труда, ценность своих рук. Когда я приехал в Лиль, чтобы по поручению партии оживить деятельность Движения в этом районе, я увидел, что главное здесь — уголь. Я буду часто это повторять в моем рассказе, потому что много слова и других при-

КАЖЕТСЯ, МЫ СЫГРАЛИ НЕПЛОХУЮ ШУТКУ

Нина Чугунова,
Виктор Углик (фото),
наши спец. корр.

Летом в Минске работал традиционный, пятнадцатый по счету и третий в Белоруссии, лагерь дружбы советской и французской молодежи «Юность». Участники лагеря отдыхали, проводили дискуссии по молодежным проблемам, все вместе работали на колхозном поле, побывали в Хатыни. Молодые французы, приехавшие в лагерь, — дети рабочих, жители рабочих поселков, где угроза безработицы висит над каждой семьей. Впервые они увидели страну победившего социализма, увидели молодых людей, своих ровесников, выросших при социализме. Один из них, Жан-Пьер Венсан, сказал кор-

респонденту: «Сегодня я счастлив. Я собирал яблоки в саду, наверное, второй раз в жизни я работал. Но сегодня я понял, кажется, смысл радостного труда». Жан-Пьер — один из главных героев истории, которую рассказали ребята, живущие на Севере Франции, и которая публикуется в этом номере «Ровесника». События, произошедшие тогда, волнуют их до сих пор. А жизнь в лагере под Минском дала им повод для сравнений...
На с н и м к а х — жизнь в лагере «Юность»: традиционные хлеб-соль, работа в поле, сбор денег в Фонд мира.

чин всего происходящего просто нет. Уголь. Уголь. Шахты.

Справка.

Запасы угля в районе оценивались обычно цифрой в полмиллиарда тонн. Несмотря на это, производство угля, его добыча в последние годы ограничивались двадцатью пятью миллионами тонн в год. В следующие два года после 80-го предполагалось снизить добычу до двадцати миллионов тонн и далее довести уровень производства до десяти-пятнадцати миллионов тонн угля в год.

Дени МОРЕ:

— Что значили эти цифры? Это полное уничтожение угледобычи, сознательное уничтожение, запланированное, сопровождающееся пропагандой закономерности этого уничтожения. Разумеется, такое сокращение в интересах буржуазии. Думаю, что не нужно это объяснять¹. Сейчас важнее то, что сокращение производства в традиционно угледобывающем районе — это уничтожение жизни в этом районе. Уничтожение сознательное, планомерное и сопровождающееся самой гнусной пропагандой «необходимости» такого уничтожения. Я видел, что на протяжении многих лет здесь делалось все, чтобы пробудить в шахтере неприязнь к своему труду. Тяжелый, почти рабский труд, не изменившийся в течение десятилетий, в сознании этих людей, на протяжении поколений живших этим трудом, все равно был работой, которой можно гордиться. Для того чтобы закрыть шахты и не вызвать волнений среди людей, у которых отбирают единственный способ жить, нужно было внушить людям отвращение к труду. Отвращение к шахте. То есть отвращение к жизни, потому что иначе эти люди жить не могли. Уехать, заняться чем-то другим — для них это было немыслимо. Я видел, как на протяжении многих лет владельцы шахт

Для Дени Море политика буржуазии ясна. Но я попросила Дени пояснить. И он сказал: «Для того чтобы шахты департамента работали без угрозы аварий и давали уголь, так необходимый стране сейчас, в годы энергетического кризиса, — уголь, обеспечивающий национальную независимость в конце концов, — необходимо модернизировать производство. Модернизация требует солидных капиталовложений в течение нескольких лет. Естественно, что предпринимателям невыгодны затраты капитала, которые могут окупиться не скоро. Более выгодно, скажем, продать предприятие иностранной компании. Разумеется, будущее рабочих буржуазии, торгующую будущим угледобывающего района, несколько не волнует. События, о которых рассказывается, происходили до избрания летом 1981 года президентом Франции лидера социалистической партии Ф. Миттерана. — Примеч. авт.

искусно играли на лучших чувствах людей — на их врожденном чутье к социальной несправедливости, на их отцовских чувствах, на их стремлении к счастью. «Каторжный труд» нарочно никак не улучшался, и шахтеры должны были «подумать о детях». Закрытие шахты сопровождалось газетными статьями, в которых говорилось о «старении профессии». «Полная бесперспективность этого, когда-то благополучного и процветающего района». «Шахта не лучшее место для передачи отцовского ремесла». «Обреченное дело». «Надо искать что-то полегче для детей шахтеров». Лица этих людей, несущие отпечаток труда на шахте, стояли перед моими глазами. Лица и руки. Нужно было взорвать оцепенение!

Жан-Пьер ТОБМЕН:

— Я могу рассказать, как я ищу работу. Я окончил профессиональную школу в шестнадцать лет, год отслужил в армии и с тех пор ищу работу. С утра я смотрю газеты. Обычно нахожу объявления о приеме на работу. Одеваюсь получше и иду туда. Если далеко, то не еду, потому что мало денег на разъезды... Потом я жду месяц или два, и если повезет, то получаю такой текст: «Дорогой мсье Тобмен! С большим огорчением должны сообщить Вам, что место, на которое Вы претендовали, уже занято (вариант: ваши услуги не требуются, произошло сокращение штата, ну и так далее)». Я бросаю эту дурацкую вежливость куда подальше и сплю, чтобы утром читать газеты. За год я посетил пять заводов и предприятий. Вы скажете, что это очень мало. Но я просто уже устал читать эти бумажки и забрасывать их куда подальше. Последняя возможность была — завод «Крайслер-Франс» во Вье-Конде — французское отделение американских заводов «Крайслер». Мне уже плевать на себя. Нас пять человек. Отец работает вагонетчиком на шахте, сестры в школе еще, мать не работает. На меня уже не надеются. Все только и смотрят на отца. Меня не спрашивают, что там у меня сегодня. Однажды я начал продавать лотерейные билеты и за месяц заработал немного. Что я делаю целый день? Хожу по улицам. Слушаю музыку. Курю. Дел немало, как видите. Я нахожу, чем заняться. Но я просто бешусь, когда прихожу домой. Не знаю, что бесит. Бесит, и все! Когда меня увидел Бруно и сказал, что надо собраться на площади и что, возможно, меня не будет несколько дней дома, я просто жутко обрадовался. «Чудеса!» Вот что я сказал себе. Наконец-то они не будут меня не-спрашивать ни о чем. «Но мы же тебя не спрашиваем ни о чем, правда?» Я просто взвился от радости. Матушка, конечно, хватится, но она сразу решит, что я напился и где-то ночую, пьяный в стельку. Отлично!! Я бы сразу пошел, но надо было ждать несколько дней. Я даже пел про себя. Тут они мне вдруг и говорят: «Как дела?»

Заметка в газете:

«Молодые коммунисты оккупировали центр профессионального обучения, не использовавшийся в течение долгого времени. Они утверждают, что не покинут здание, принадлежащее частному лицу, пока не выскажут свое мнение. Полиция, прибывшая на место, не смогла войти в здание. Представитель полицейского комиссариата вынужден был беседовать с нарушителями спокойствия через заграждение, устроенное ими. Организованности всего происшедшего можно только удивляться. Когда одному из оккупировавших здание был задан вопрос, зачем он здесь, он ответил: чтобы работать. Юноша назвался: «Жан-Пьер Сабатье». Известно, что о закрытии шахты «Сабатье» было объявлено недавно».

Жан-Пьер ВЕНСАН, по прозвищу Сабатье:

— Я неграмотен, честно говорю. Конечно, я ходил в школу. Но учитель плевал на меня. Хоть бы раз он вызвал меня отвечать. Я был в школе никому не нужный человек. Мой отец всю жизнь, пока не стал стар, работал на шахте, а теперь Жан-Клод — это мой брат — работает на шахте. Он на шахте просеивает уголь. Я тоже смог бы просеивать уголь. Мой отец говорит, что бесполезно искать работу на шахте, все равно их все скоро закроют. На «Сабатье» я мог бы найти работу. Так мне казалось. Из нашего поселка пятнадцать человек хотели бы получить работу на «Сабатье» или где-нибудь еще. Я решил драться изо всех сил за эту работу. Мы пошли к проходной «Сабатье» и начали там дежурить ночью и днем, чтобы на нас обратили внимание. Одни сидели у входа в бюро по найму на шахту днем, другие ночью. Я бы мог сидеть все дни и ночи подряд, но все равно это ничего не давало. Даже полиция не обращала на нас внимания. Они считали, что рано или поздно, но мы уберемся оттуда как миленькие. Тогда я поехал сам в Париж, чтобы найти хозяина шахты и поговорить с ним, чтобы он принял меня на работу, неважно на какую. В Париже находится дирекция шахт. Я добрался до директора — это был очень приличный человек, то есть я хотел сказать, что он был прилично одет, лет пятидесяти и одного со мной роста, невысокий, значит. Ужасно вежливый. Он принял мое заявление на слсвах, записал имя и фамилию и сказал, что я получу приглашение на работу по почте. Полгода я ждал этого приглашения! Каждый день я ждал. Потом я снова поехал в Париж, и снова все повторилось. Мне даже показалось, что на нем был тот же самый пиджак, хотя я думаю, что, конечно, не тот же. Опять: «Вы получите наше приглашение по почте». Я был уверен, что он забыл меня начисто, как только я вышел от него, и, когда я садился в поезд, он уже не мог бы вспомнить меня, хоть убей. Снова я ждал. Потом меня пригласил для разговора Дени Море. После этого разговора я обошел сво-

их, то есть: Жанин, Бруно, Катрин, подругу Жанин, и Мишель, подругу Бруно. Они все из Денена, нашего города. Это небольшой город, а вокруг него поселки. Никому из наших я ничего подробно не рассказал. Сам я тоже знал немного. Дени сказал, что это связано с работой. То есть я так его понял, что это может сдвинуть меня с мертвой точки. А руководили всем Дени Море и еще люди, которых звали Клод и Трефи. Они коммунисты. Когда дома я стал кое-что объяснять, родители сказали, что если это затеяли ребята-коммунисты, то надо обязательно идти. Они даже не стали спрашивать подробностей. Что ни говори, они меня начали уважать, все потому, наверное, что мой отец коммунист. И давным-давно он бастовал, и еще как! Я забыл сказать: с «Сабатье» уж все было ясно как день. Хоть бери и ложись у проходной, все равно ее закрывали.

Дени МОРЕ:

— В людях, живущих в северном районе, есть традиционные недостатки. Желание жить одним днем, например. Это потому, что их деды и отцы — шахтеры. На шахтах были очень большие катастрофы... Самая большая в 1905 году, когда погибли тысяча двести шахтеров. В одном только департаменте Нор семьдесят тысяч молодых безработных шахтеров, у которых все черты характера их отцов-шахтеров.

Бруно СОЛИГУ:

— Я могу рассказать, как мы хотели как-то раз символически захватить здание мэрии в городе, где в муниципалитете сидели правые. Это город Камбре, недалеко от Денена. Я тогда был подвергнут слезке и допускал, что телефоны могли прослушиваться. Но из-за одной неосторожной фразы, сказанной мне по телефону товарищем, который не был предупрежден о возможном прослушивании, полиция раскрыла наш план, и когда мы прибыли к мэрии, там уже была полиция. Правда, потом рабочие все-таки заняли мэрию во время демонстрации, но я понял, как важна организация всякого дела. Я согласился с полной конспирацией, когда мы начали бороться за «Сабатье». Я тоже ходил и говорил всем одно и то же: «Ты должен быть на площади в час дня. Это трудно. Возможно, тебе не придется быть дома в течение нескольких дней. Приготовься». Может быть, кто-то и решил поначалу, что все это лишь неплохая шутка, зато потом, когда все узнали, никто не ушел. Никто не ушел!

Судя по фотографиям, которые мне показал Дени Море, бывший центр профессиональной подготовки шахтеров — это еще крепкое кирпичное сооружение, только ужасно запущенное. Дени Море сказал, что оно было построено в конце XIX века. В течение многих лет — кажется, восьми — центр не работает, причина вам ясна. Шахтеры не нужны. За несколько дней до события Дени Море обследовал здание и

выяснил, что оно очень малопригодно для жизни: нет окон и дверей, ужасная грязь, слой щебня. Стоял холодный апрель восьмидесятого года. Прежняя идея — захватить саму шахту, ее подземелья — была отвергнута по соображениям безопасности. Семнадцатого апреля на площади стояли грузовики, вокруг собирались ребята, одевшиеся как на пикник. Жанин натянула два свитера. Было шесть-семь градусов. Двое пошли с Дени, чтобы при приближении грузовиков разрубить цепь, преграждавшую въезд в здание. Они пробрались внутрь незаметно и через десять минут уже слышали приближавшиеся грузовики, маршрут которых зорвали, и первая цель была достигнута. Надо было устраиваться, и это не были каникулы!

Событие началось.

Жан-Пьер САБАТЬЕ:

— Работы было навалом. Мне никогда не приходилось столько работать. Я таскал камни, а потом еще подстригал траву у входа. Дени говорил, что мы должны украсить эту развалюху своим трудом. Я понимал, что, если он и к нам придерутся, они поднимут такой вой в газетах, что нам придется убираться отсюда. Я не собирался убираться. Поэтому я даже подстригал траву, что в общем дикое занятие в такой важный момент. Потом я снял рубашку, но Дени и Клод сказали, чтобы я обязательно ее опять наддел, а то я простужусь. «Вы что, серьезно?» — я просто обомлел от такой заботы. Но Дени был страшно серьезен. Я думаю, что он здорово за нас боялся, чтобы никто не подвернул ногу или, не дай бог, не чихнул. Теперь я знаю, что в этом случае он и бы просто-напросто нас выволокли. Тут и полиция прибыла.

Дени МОРЕ:

— Мы решили засесть на неделю. Значит, надо было учесть: пищу, сон, чистоту, гигиену. Мы выбрали три комнаты, которые усердно скребли и мыли. Одну отвели для столовой, а ту, где было поменьше дыр, сделали спальней. А на первом этаже мы устроили гостиную. Ведь мы не собирались сидеть как запертые. Мы все затеяли для того, чтобы к нам приходили люди. Нас должны были видеть. Дверь мы нашли в хламе. Когда дело близилось к концу, несколько человек стали готовить лозунги, которые привлекли бы к нам внимание города. Я уже знал, какой будет главным. «Здесь принимают на работу» — это мы потом повесили такой огромный плакат на стене, выходящей к площади. Результат был потрясающий, но прежде, когда плакат еще не был вывешен, мы уже привлекли внимание: приехала полиция.

Полицейская машина остановилась у здания, оттуда вышел человек и пошел к разорванной цепи смиренным шагом полицейского, притворяющегося

парламентером. Впрочем, видно было, что полиция растеряна. В это время бастовала шахта, и было ясно, что это «неясное происшествие» не авантюра, а политика. Делегат от полиции был пропущен в здание, и Дени пошел с ним как предупредительный экскурсовод. «Мы работаем для блага этого дома», — говорил он необыкновенно вежливо, в то время как «захватчики» продолжали мыть окна и скрести полы и уже устанавливали бензиновый движок. Страшный грохот был у движка, все даже вздрогнули, потому что все-таки прислушивались к тому, что говорил Дени.

Дени МОРЕ:

— Мысленно я хорошо посмеялся. Полицейский, безусловно, принял нас за сумасшедших. Они уехали, не найдя, к чему придраться, а в назначенный нами час (о том, что готовится, были предупреждены некоторые члены муниципалитета и знали руководители партии в городе) прибыли журналисты на пресс-конференцию, которую мы устроили в гостиную.

Жан-Пьер САБАТЬЕ:

— Они меня начали спрашивать, что я здесь делаю, как будто остальные дураки, а я один умный. Я сказал, что хотел бы получить работу. Они спрашивают: какая связь между тем, что вы, юноша, мечтаете о работе, и тем, что вы сидите здесь в то время, когда вы с большим успехом могли бы отправиться в бюро по найму? Тогда Дени начал говорить и сказал, что когда на соседней с «Сабатье» шахте объявили о приеме на работу десяти человек, то пришло сто двадцать. Один из наших говорит им: «Сегодня первый день, когда я работаю по специальности». Они спрашивают: «Какая ваша специальность?» Он говорит: «Электрик, я провел свет в этой халупе». Я знаю его, его прозвище Крим. Действительно, все так и есть, как он сказал.

Дени МОРЕ:

— Еще до пресс-конференции, когда я принялся объяснять настоящие цели нашей «сумасшедшей затеи», я многих удивил. Ребята говорили, что они вовсе не хотят работать на шахте. Тогда я развил несколько идей, которые мы потом обсуждали в течение этих дней, и это обсуждение привело к полному принятию акции.

Чтобы понять лучше Дени Море, надо прежде всего согласиться с тем, что безработица никогда не возвышает человека. Жан-Пьер и Жанин, Мишель и все остальные гуляют по улицам изо дня в день. Иногда Жанин, например, кажется, что так можно прожить еще много лет. Когда в газетах она читает, что во всем виновата молодежь, которая не хочет работать на шахте, она готова поверить, что это так...

Когда в «коммуне» решили немного перекусить — целый день работы! — и в столовой были выставлены вчера-

ние покупки — сыр, хлеб и красное вино («О, это не «Бордо»! Обычное дешевое шахтерское вино, — сказал Дени Море) — итак, когда в «коммуне» приступили к ужину, кто-то, назначенный наблюдающим, увидел огромную толпу, собравшуюся у дома.
«ЗДЕСЬ ПРИНИМАЮТ НА РАБОТУ!»

Дени выбежал на улицу. Это победа — и в первый день! Теперь надо только ее укрепить. Те, кто пришел, были взрослые люди. Некоторые из них имели работу. Но такого щита никто не видел уже много лет: «Здесь принимают на работу». Многие остались до конца «с этими ребятами, они молодцы».

Так прошли день и следующее утро. (Насморк у Мишель.)

Последующие события легче всего дать в виде хроники.

...стали прибывать делегаты от кружков молодежи. Среди них были представители городка Денен, члены молодежной организации которого в поддержку акции собрали 1400 франков. Они мыли автомашины.

Пятница. Сбор и распространение листовок в шахтерских поселках и городах, также у ворот крупных заводов. Рабочие делегаты с заводов «Юзинор» в Денене пришли выразить свою солидарность с молодыми коммунистами.

Суббота. Жизнь в Центре вошла в свое русло. Нужно приготовить еду, принести воды, помыть посуду. Каждый делает свою часть этой работы. Организация удивительная, нет ошибок.

Воскресенье. После обеда проводится «день открытых дверей». Около двух тысяч человек побывали в Центре. На стенах комнаты, превращенной в «Зал приема», представлена выставка плакатов и фото.

Дени МОРЕ:

— Расходы в двадцать пять тысяч франков, потраченные на организацию захвата и устройство жизни, были оплачены людьми, которые пришли к нам на протяжении этих дней. Мы даже устроили угощение для гостей и танцы. Впервые в истории были такие степенные танцы, когда взрослые люди, даже старые шахтеры, танцевали со своими женами и детьми, будто был праздник! Но важнее, когда шахтер говорит, например, нам: «Ребята, я уже десять лет не бастовал, я думал, что все это попусту, что никогда не будет лучше, что такое было только в молодости, и я даже вышел из профсоюза, думая, что мы проиграли. Теперь прошу вас — держитесь. Как хорошо все, что вы делаете».

Жан-Пьер ТОБМЕН:

— Я тогда еще не мог себе представить, что, когда вернусь домой, меня выставят из дому как бандита. Да, они

так и сказали мне. Но если бы я даже заранее знал это, я все равно ни за что никогда бы не ушел от своих. Подумать только, родители поставили на мне крест! Да я сам поставил на себе крест и, если бы не прожил эти семь дней, стал бы действительно каким-нибудь бандитом. Потом я, конечно, был принят домой назад. Они меня простили. Можно себе представить, как они говорили между собой. Я вернулся: жить-то негде. Но я знаю, что я чего-то стою. «Жан-Пьер, как дела? Ты спишь, Жан-Пьер?»

Дени МОРЕ:

— Мы выбрали человека-будильника. К нам присоединилось много молодых рабочих, которые, если им не удалось взять отпуск на неделю, просто жили у нас в знак поддержки, и утром им надо было идти на работу. Мы продержались до назначенного дня, до дня демонстрации. На демонстрацию мы выехали на арендованном грузовике, забрав наши лозунги. Мы проезжали города, нас встречали люди на тротуарах. Насколько я помню, митинг был в четверг.

Хроника.

Понедельник. Операция продолжается. Вечером состоялось заседание руководства департамента и лица. Итак, в течение недели более ста молодых коммунистов (лицеистов, безработных, рабочих), сменяя друг друга, днем и ночью занимали Центр.

Среда. В 19 часов был митинг в местечке Сабатье, где 15 апреля должна была закрыться шахта. Но она пока работает. Шестьдесят молодых жителей этого поселка отправились в Центр, чтобы присоединиться к завершающейся акции. Они везут лозунги: «У нас есть уголь, «Сабатье» должна жить!» Их встречают аплодисментами...»

Жан-Пьер САБАТЬЕ:

— Я не нашел работу, хотя прошло уже больше года. Зато теперь я знаю: в моей жизни кое-что было! Конечно, я найду когда-нибудь работу. Но я думаю, что это не все. Это далеко не все, я честно говорю.

Бруно СОЛИГУ:

— Родители считают это время потерянным для меня. Это неправда. Я рад, между прочим, что мне пришлось познакомиться с Дени Море. Я знал его и раньше...

Дени МОРЕ:

— Это была победа политическая. Вы понимаете, что сразу ждать конкретных изменений нельзя. Но с того времени произошли другие изменения. Я говорю об усилении влияния коммунистов в нашем районе. Я по-прежнему постоянно езжу из одного департамента в другой. Но после той недели мне кажется... Но не хочу повторяться. **МЫ СЫГРАЛИ НЕПЛОХУЮ ШУТКУ ТОГДА!**

Вот она, стоит передо мной в позе, выражающей вялое пренебрежение: одна рука в кармане брюк, другая согнута в локте так, что пальцы находятся где-то на уровне плеча, ноги чуть-чуть косолапят, взгляд высокомерный. Моя дочка Катрин, тринадцати лет. Она теперь поппер.

Может быть, вы не совсем в курсе дела? Тогда расскажу все сначала.

Первые попперы появились более двух лет назад в Гамбурге. Так стали называть себя около двух десятков юных отпрысков богатейших семей славного ганзейского города. Они регулярно встречались в одной из закусочных «Макдональда», чтобы продемонстрировать друг другу свои ультрасовременные брюки, пуловеры и куртки, только что привезенные «оттуда». Обладание шикарной одеждой, разумеется, само по себе являлось достаточным основанием для вступления в общество избранных. Но, помимо того, полагалось еще иметь стрижку особого фасона (спереди длинно, сзади коротко), сверкающий мопед из самых дорогих и сигареты «Данхилл» или «Сан-Мориц», по четыре марки за пачку.

Новое веяние было с восторгом подхвачено родственниками и знакомыми наших первооткрывателей, которые разнесли «попперство» по своим родным городам: Мюнхену, Дюссельдорфу, Майнцу. Однако гамбуржец Оливер (ему шестнадцать лет) подчеркивал: «Те, кто теперь стал одеваться, как

попперы, отнюдь не являются ими. Нас всего двадцать человек. Мы — элита, остальные — просто подражатели!»

Моя дочка Катрин, следовательно, не принадлежит к элите. Прежде всего потому, что я не принадлежу к высшему обществу. Грубо говоря, мы недостаточно богаты, у нее нет даже собственного мопеда. Чтобы держаться на должном уровне, Катрин пополняет свои карманные деньги, выгуливая собак благородных кровей и благородных хозяев. Тем не менее она живет в подходящем районе (роскошный квартал Гамбурга Пёзельдорф), учится в подходящей школе (гимназия имени Вильгельма), одевается, разговаривает и ведет себя как настоящий поппер. Даже поппер из элиты Оливер знает ее и, представьте себе, с ней здоровается!

Прошли те времена, когда маленькая дикарка Катрин, не обращая внимания на карканье взрослых, утверждала себя нормальным образом в обычных школах. Тогда в ее характеристике значилось: самостоятельна, имеет критический взгляд на жизнь. В восемь лет ее познания чуть ли не превосходили эрудицию нынешнего старшеклассника. Помнится, она размышляла об отношении людей к вещам, в частности, почему в Федеративной Республике любой автомобиль имеет больше места для стоянки, чем ребенок для игры...

После поступления в гимназию у Катрин начался естественный для молодежи левый крен. Она бегала на демонстрации с плакатами против

НО ПОЧЕМУ НАШИ ДЕТИ БОЛЕЕ СТАРЫ, ЧЕМ МЫ?

У. НОЙХАУЗЕР,
корреспондент журнала «Штерн»

атомной угрозы, завела себе платок с палестинскими лозунгами, даже вступила в политическую организацию школьников.

И вдруг в один прекрасный день на ее курточке вместо значка против ядерного оружия появляется круглая бляха с изображением Микки Мауса (знак попперов), «палестинский» платок превращается в миленькую скатерть, и Катрин заявляет: «Я хочу только развлекаться и иметь веселых друзей. Это — главное в жизни».

Явления, сопровождающие перемену мировоззрения моей дочери, поначалу мне даже нравились. Она стала регулярно мыться, уделяла колоссальное внимание одежде, начищала до блеска обувь и ежедневно наводила идеальный порядок в своей комнате. Что с ребенком, не влюбилась ли девочка? Ничего подобного, теперь я уже достаточно просвещена и знаю, что поппер не может позволить себе распускаться. Всякое неряшество недопустимо: в любой момент могут нагреть гости.

Со стен дочкиной комнаты исчезли плакаты. Даже политические карикатуры — ее былая гордость — уже низвергнуты. Их заменили рекламы модных магазинов и шикарных товаров: моды «Фьюроччи», блузки «Леди Манхаттан», игристые вина «ММ-Сект». Не последнее место в интерьере заняли теперь пустые пачки от сигарет самых редких и дорогих марок.

Наиболее придирчивый взгляд не

обнаружит ныне ни единого пятнышка на одежде моей дочери. Но что подедаешь — у Катрин совсем нет времени. Ни для школы, ни для спорта, ни для других нормальных занятий. Ее единственное чтение — комиксы о Микки Маусе. Правда, Доротея (приятельница моей дочери и тоже, разумеется, поппер) заявляет не без гордости: «Я непременно читаю Достоевского или что-нибудь в этом духе. Видите ли, мы придаем образованию очень большое значение».

Катрин проводит время в визитах (то есть посещает попперов Кунца и Хинца), в беседах по телефону, в созерцании того, как юноши надраивают свои мопеды, но главным занятием, несомненно, является демонстрация своей соответствующим образом одетой персоны на самых фешенебельных улицах города. Смысл земного бытия, предел мечтаний и основной лозунг нового «движения» вполне укладывается в старую мещанскую формулу: людей посмотреть, себя показать.

«Ты только представь, как замечательно, когда с тобой здороваются масса людей, которых ты даже не знаешь!» — мечтательно произносит Катрин. Они распознают друг друга по «униформе»: клетчатые брюки (вверху широкие, внизу узкие), «школьные» туфельки, сумки с рекламой «Фьюроччи» или с Микки Маусом.

О чем же говорят попперы?

Катрин откровенно признает: «Чаще

всего ни о чем. Так, ля-ля-ля...» Основу беседы составляют определенные слова: «аномально», «извращенно», «незаконно», «антикварно», «благородно». И конечно же, самое необходимое, излюбленное словечко — «пролы».

Пролы — это олицетворение всего, что не попперы. На мой неискушенный взгляд, нечто не обязательно плохое. Но с точки зрения поппера, самое низкое. Пятнадцатилетняя Доротея выступает по этому вопросу со следующим комментарием: «Пролы? — благодарю покорно... Как можно не видеть: они же просто не в состоянии вырваться за рамки своего низменного круга. Пролы всегда остаются пролами». У Катрин тоже нет никаких сомнений: «У этих пролов совсем другой язык. Они носят джинсы, кроссовки, куртки... Они просто вырожденцы, мама!» Оливер из элиты эффектно встряхивает фасонно подстриженной головой: «Да я лучше замерзну до смерти, чем напялю на себя такую куртку! Это явное извращение». Интересно, расценивается ли как извращение такой, скажем, случай, когда, почувствовав себя оскорбленным, некий прол, не мудрствуя лукаво, возьмет да и набьет хорошенечко морду какому-нибудь попперу? Впрочем, попперы ведут стадный образ жизни, да к тому же они трусливы — из принципа! Поэтому пролы относятся к ним снисходительно.

Политика для моей Катрин теперь неинтересна. Слишком все, знаете ли, сложно. «Я в этом ничего не смыслю», — говорит она, — я лучше воздержусь». Вообще же попперы готовы согласиться с любым мнением. Только, пожалуйста, без экспериментов! Новшества опасны: может нарушиться счастливое равновесие сладкой жизни. Всякие там споры вокруг атомного оружия и защиты окружающей среды, к примеру, абсолютно не касаются наших аккуратистов. И даже самая умеренная из крупных политических партий недостаточно умеренна для попперов. Вот слова пятнадцатилетнего Андреса: «Нельзя смотреть на вещи слишком узко. У нацистов иной раз бывают весьма разумные взгляды».

Пятнадцатилетний Штеффи жалуется: «У нас совершенно нет времени. Мы ужасно перегружены. Но лучше уж переносить стресс в компании, чем дома в одиночестве». Естественно, эти юные старики с ополовиненными лицами (пол-лица скрывает огромная челка, свежeweымытая, безукоризненно подстриженная и уложенная) чувствуют себя комфортно только в окружении себе подобных.

Возможно, все действительно стало слишком сложно. Ушла простота, и исчезли иллюзии. Даже мы, взрослые, не очень отчетливо понимаем: как? что? зачем? Мы устали. Мы выгадим, как отмечают те же попперы, довольно-таки устарелыми.

Но почему же, почему наши дети еще более стары, чем мы?

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

«В ЖИЗНИ ВСЯКОЕ БЫВАЕТ...»

Многие западные музыкальные критики отмечают: сейчас в поп-музыке модно все. Прошли времена диктата «тяжелого рока», диско и прочих жанров: британские рок-ансамбли переключаются на исполнение латиноамериканской музыки, голландцы пишут в стиле «кантри», а знаменитый американский трубач Майлз Дэвис дал в Нью-Йорке рок-концерт. Как отреагировали на это «правоверные» джазмены? Саксофонист Ли Конитц сказал: «В жизни всякое бывает... Дайте срок, может быть, он снова станет прежним Дэвисом?»

Итальянский городок Каррара невелик, но вошел во все энциклопедии благодаря тому, на чем он стоит, а стоит он на знаменитом мраморе. Белый, блестящий, легко поддающийся полировке, каррарский мрамор — многовековая мечта скульпторов. Из каррарского мрамора сделаны «Давид» и «Пьета» Микеланджело, «Аполлон и Дафна» Бернини, «Святой Георгий» Донателло и многие другие известные миру произведения.

**НА ЧЕМ СТОИТ
КАРРАРА**

День и ночь тянутся к побережью тяжелые грузовики, корабли развозят мрамор во все концы света, и все же для многих скульпторов он так и остается мечтой.

С недавних пор в Карраре стали проходить конкурсы молодых ваятелей. Они отправляются в каменоломни, вооруженные молотками, чтобы самим отыскать «свою» возделенную глыбу. А потом начинается работа. В последнем конкурсе лучшей была признана скульптура японца Йосина Огата — его вы видите на снимке.

ХОРОШО ЛИ ЗАБЫТО ПРОШЛОЕ!

Корреспонденты итальянского журнала «Эпока» путешествовали по антикварным базарам Западной Европы, с любопытством присматриваясь к тем, кто покупает, и к тем, кто торгует. На то, чем торгуют, они особого внимания не обращали. Корреспонденты не склонны были относиться к своей затее всерьез — просто возможность сделать несколько колоритных снимков, — пока не наткнулись на этот прилавок: таким «антиквариатом» торговали в Вене. А раз продается, значит, это кому-нибудь нужно?

Над мемориалом узникам гитлеровского концлагеря в Дахау начертано: «Кто забывает свое прошлое, осужден пережить его вновь». «Те, кто приобретает подобный «антиквариат», — пишут корреспонденты, — страдают, видно, частичной потерей памяти: помнят о том, как хотелось мирного господства, но забывают о том, во что это желание обернулось».

ОСТАНОВИТЕ РОДИТЕЛЕЙ!

Родительское честолюбие — явление весьма распространенное, а в мире, где в погоне за благополучием все средства хороши, — увы, понятное. На этом стремлении решили сыграть устроители Института лучшего ребенка в Филадельфии. Родители «вкладывают» в карманы администрации по 400 долларов за каждого ребенка, а администрация, в свою очередь, «вкладывает» в карапузов от полутора до двух лет самую разную информацию. И все живут надеждой: родители на то, что их вклады авось когда-нибудь да окупятся; устроители — на то, что проверить это можно будет не скоро.

А вот родителям девятилетней Нике Коста повезло: их затраты уже начали окупаться, и без всякого там института. Папа написал для дочки песенки, за свой счет записал пластинку — и успех! Правда, успех Нике принес не столько звонкий детский голосок, сколько контраст между невинностью голоска и содержанием песенок — «про взрослую любовь и все такое», как характеризует их сама исполнительница.

А ЧТО РИСУЮТ!

— Ну вот, в Рейне снова можно купаться. Правда, купальные костюмы стали дороже...

(«Штерн», Гамбург)

НЕУКРОТИМЫЙ БУРАТИНО

Этому деревянному мальчишке, который всюду сует свой длинный нос, ужасно повезло. С тех давних пор, как итальянский писатель Карло Коллоди придумал Пиноккио, он сдружился с детьми чуть ли не всех стран мира. Новые поколения писателей придумывают новые, уже современные нам, истории о Пиноккио для новых поколений маленьких читателей. Приключения продолжатся!

«В СТРАНЕ УЧАЩИХСЯ»

Так назвал свой репортаж из Кампучии корреспондент итальянского еженедельника «Эуропа». В самом деле, в стране, возрождающейся к жизни из мрака полпотовского режима, сейчас больше учащихся, чем в любом другом государстве Юго-Восточной Азии: каждый четвертый житель страны — и юный и взрослый — посещает школу. Страна трудится над возрождением национальной культуры: реставрируются произведения древних кхмерских мастеров в Ангкоре, создаются новые творческие коллективы, в том числе и вокально-инструментальные ансамбли, оснащенные самыми современными музыкальными инструментами. Один из них вы видите на снимке: самодеятельный ансамбль министерства рыбного хозяйства.

В одной мужской компании зашел разговор о трусости. Мы изрядно выпили; алкоголь настолько развязал наши языки, что мы перебрали почти все случаи в нашей жизни, когда «играли труса». Мы ясно осознавали, как неприятно предстать трусом в глазах других, однако неприятнее всего, когда мы сами открываем в себе труса. В самом разгаре этой дискуссии кто-то рассказал следующую историю.

Митчелл был капитаном так называемой плавучей гостиницы, одного из тех судов-гигантов, что курсируют между Бразилией и Англией. Сейчас, конечно же, было бы неверно представлять его себе эдаким суровым морским волком времен наших бабушек и дедушек, стоящим на капитанском мостике среди морской пены и бушующих волн и громовым голосом отдающим команды. Митчелл был высоким, крепким парнем, но ни в одном салоне его не приняли бы за моряка, скорее всего за инженера, кем он, собственно говоря, и был. Или за директора гостиницы.

Так вот, с ним произошло нечто весьма необыкновенное. Незадолго до окончания очередного рейса, уже вблизи берегов Шотландии, пароход столкнулся в тумане с рыболовецким катером, кстати, не по вине Митчелла и его подчиненных. Как бы то ни было, судно — называлось оно «Астория» — получило пробойну, и в трюмы хлынула вода. Господа из штурманской рубки осмотрели повреждение и пришли к выводу, что необходимо подать сигналы SOS. Они подсчитали, что переполненное людьми судно может продержаться на воде не больше одного часа.

Послали в эфир сигналы SOS, и на помощь подошло два-три судна. Пассажиры переправили на них. Пока в Лондоне, перед агентством «Трансатлантик», родственники пассажиров радостно заключали друг друга в объятия, Митчелл переживал неприятные минуты. Он вместе со своими офицерами и членами экипажа оставался на палубе «Астории», которая почему-то вопреки всем прогнозам не тонула. Не пошла она ко дну и в следующие часы и без дальнейших происшествий благополучно достигла гавани.

Такое поведение судна пробудило в Митчелле крайне противоречивые чувства. Совершенно растерянный, он тщательно осмотрел бак и корабельные трюмы. Ему было очень неприятно, что проклятая посудина не тонула.

На пирсе Митчелла встречали близкие, отец и обе его сестры, одна была со своим женихом. Они сильно волновались, когда прочитали в газетах сообщение о сигналах SOS с «Астории». Ведь они жили на его средства и теперь были счастливы, более того — горды. Они ужасно докучали своими вопросами, все хотели знать, как это ему все-таки удалось довести судно до гавани и

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Рис. Н. БЕНУА

Рассказ

Бертольд БРЕХТ,
немецкий писатель

прочее. Они были профанами в морском деле и расценивали его действия как своего рода геройский поступок.

Переступая порог правления компании «Трансатлантик», он не питал особых иллюзий. Ведь он чересчур рано, а следовательно, и без нужды запросил постороннюю помощь, очень дорогостоящую помощь. Но оказанный ему прием превзошел все его самые худшие ожидания.

Владельцем компании «Трансатлантик» был И. Б. Уотч, и принял он Митчелла лично. Уотч называл себя другом истины и на этом основании считал себя вправе орать таким громовым голосом, что во всех бюро можно было услышать, что он думает о людях, подобных Митчеллу. Так, проникнув через стены, до ушей служащих дошло слово «трус», а от них беспрепятственно докатилось до всех прочих бюро, всех прочих судовых компаний и до всех баров, и до всех контор по найму, и до всех без исключения мест, где сидели люди, имевшие хоть какое-нибудь отношение к судам. И. Б. Уотч не только орал, хуже всего было то, что он говорил о капитане Митчелле по телефону приглушенным голосом.

Митчелла уволили. Причиной увольнения была трусость, и тем самым его увольняло как бы все судовое производство. Куда бы он в последующие дни и недели ни обращался, везде ему отказывали в месте капитана. Ни один судовладелец не испытывал желания принять капитаном человека, который к совсем не обреченным на гибель судам вызывал дорогих врачей, то есть другие суда, вместо того, чтобы, сохраняя мужество, продолжать плавание или по меньшей мере попытаться сделать все возможное, чтобы, не прибегая к посторонней помощи, все-таки благополучно добраться до родной гавани. Формально вина Митчелла состояла в том, что он «потерял голову и ввел пассажиров в состояние абсолютно излишнего волнения».

В таком виде эту историю рассказали газеты, и семья Митчелла прочла ее. Семей, как мы уже упоминали, этому происшествию была поначалу дана несколько оптимистическая оценка. Мит-

челл, конечно, не сообщил дома о разрыве с «Трансатлантик». Семье ничего не было известно о его увольнении, и она продолжала жить на довольно широкую ногу. Старшая сестра готовилась к своей свадьбе, мероприятию, надо сказать, дорогостоящему.

Потом появились сообщения в газетах, и подруги младшей сестры стали насмехаться над нею из-за брата. Жених старшей сестры, прослышав обо всем, скорчил весьма кислую мину. Ему, как сказал он своей невесте, везет на встречи с неудачниками.

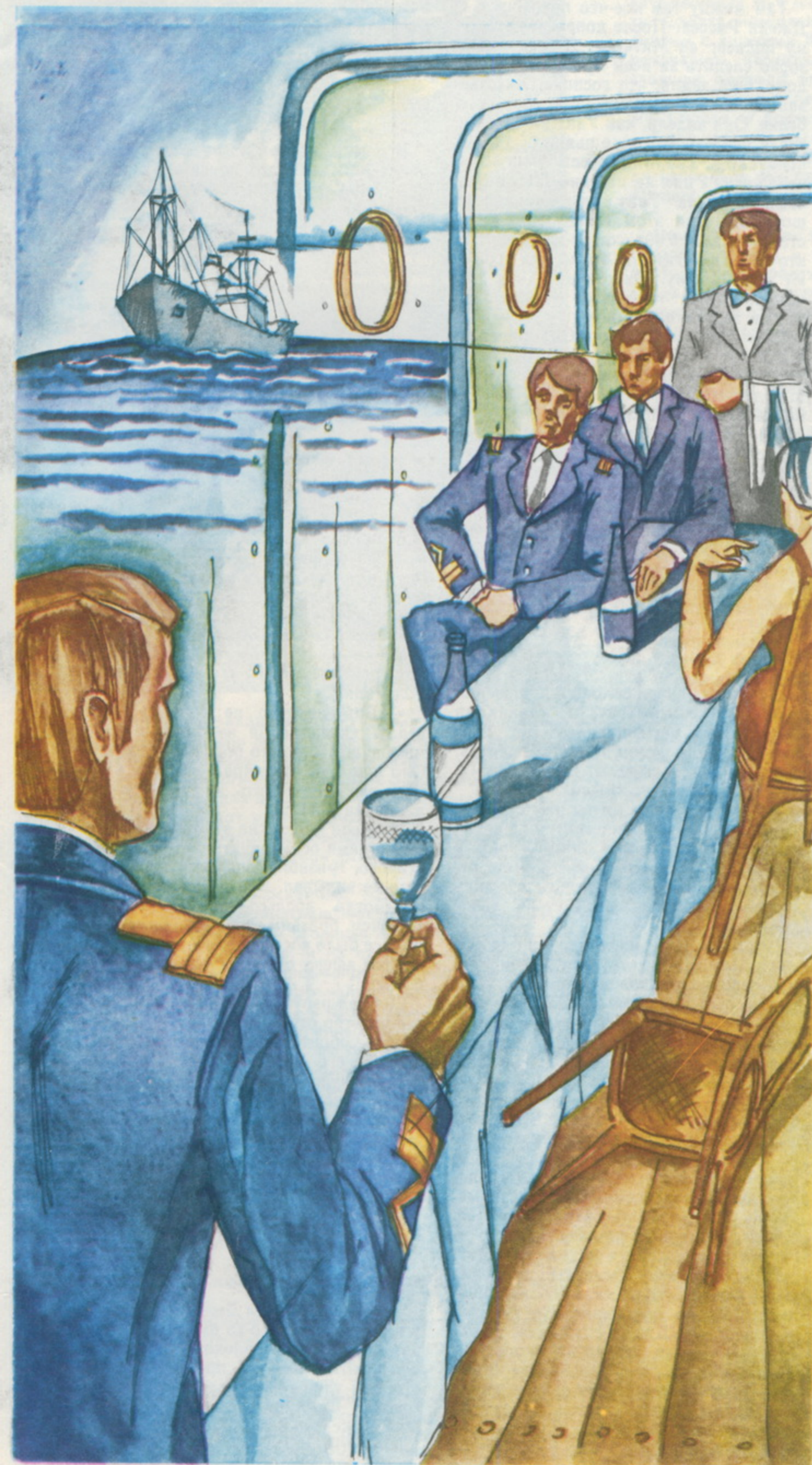
Разумеется, нельзя сказать, что семья вдруг резко изменила отношение к своему постоянному кормильцу, которого она до сих пор боготворила, но и совершенно игнорировать то, что случилось, она не могла. Им было трудно все осознать. Ведь теперь им пришлось несколько ограничить себя. Своим тактом они действовали Митчеллу на нервы.

Были у него и другие неприятности.

Он был почти что помолвлен с некой Бет Хиуотер, молодой вдовой, державшей пансион для моряков, от штурманов и выше. Митчелл нравился ей, но, как на грех, по роду своего занятия ей приходилось общаться именно с моряками. Эти люди отнеслись к Митчеллу недоброжелательно. Все они страдали от своих судовладельцев, а значит, могли бы и понять его. Ведь в конце концов он предпочел благо пассажиров благу компании. Как ни печально, люди эти отнеслись к нему скорее как к конкуренту, а не как к коллеге. Они позволили себе сыграть с ним дурную шутку, когда он пришел к Бет и сидел внизу в салоне, ожидая ее появления.

Главным зачинщиком в розыгрыше был Томми Уайт, капитан «Глади», только что взявший несколько недель отпуска: его судно становилось в доки. У него были свои виды на Бет Хиуотер, отчего он и проявил массу выдумки в этом деле.

Уайт уговорил Бет не принимать Митчелла, когда тот станет спрашивать о

ней, а передать, что она ушла к матери, и заставить его ждать в салоне. Там к нему подсело несколько посетителей, которые повели с ним на первый взгляд очень участливый разговор о его неудаче и о долгом отсутствии Бет.

Между тем наверху, в комнате Бет, Томми подготавливал сцену. Он разбросал по углам стулья, сдвинул на полу ковер, вылил на него немного красных чернил и уложил поперек ковра, лицом вниз, Харри Биггера, старшего матроса своего судна. На туалетный столик он положил маленький серебряный браунинг Бет, полученный ею в подарок от Митчелла в день рождения. Мимоходом (в договоренности с Бет это не предусматривалось) он взял с туалетного столика фотографию Митчелла, разорвал ее на клочки и выбросил в корзинку для мусора. Потом взял браунинг, выстрелил из него в камин и снова положил на стол.

Когда он, «потрясенный ужасным зрелищем», нервным шагом вошел в салон, Митчелл угрюмо сидел в своем углу. Но он мгновенно вскочил, едва услышав, что с «госпожой Хиутер что-то случилось». Все пошло наверх, заглянули в комнату госпожи Хиутер, а затем направились в комнату Томми, чтобы посоветоваться.

Разливая всем виски, Томми рассказал, что в свое время, когда еще был жив Хиутер, Харри Биггерс дал ему в долг не сказать что малую сумму денег. Теперь, когда дело процветает, он хотел получить свои деньги обратно. Но Бет, видно, не очень-то хотелось с ними расставаться. Очевидно, она предпочла его застрелить. При этих словах он взглянул на Митчелла. Митчелл выдал из себя, что предлагает найти Бет и вместе с ней обсудить, как представить случай полиции. Можно, например, сказать, что матрос пытался покуситься на ее честь.

Изложив свою точку зрения, он осмотрелся и увидел, что все вокруг улыбаются. Это были крайне неприятные улыбки.

— Так вы, оказывается, предлагаете вызвать полицию? — спросил Томми, поглядывая на остальных.

— Нет, — ответил Митчелл, — я предложил позвать Бет.

— Видите ли, я думал, что ради Бет мы могли бы уладить это дело сами, — сказал Томми подчеркнуто презрительным тоном.

Митчелл был уже довольно пьян. Он много выпил, когда в ожидании Бет сидел в салоне. Так что внушить ему что-либо не составляло особого труда. Томми сказал, что главная опасность заключена в том, что, насколько он знает со слов своего матроса, существует ка-

кое-то письмо, полученное Харри Биггерсом от Бет, в котором она приглашает его к себе. Значит, необходимо за-получить это письмо.

Они все вместе снова пошли в спальную комнату Бет и принялись искать его. В кармане Харри Биггерса письма не обнаружили, не было его и в корзинке для мусора. Зато там лежала какая-то порванная фотография, и Митчелл вынул ее оттуда. Он, и это вполне естественно, отнесся к ней без внимания, просто сунул в карман. Об этом ему пришлось потом пожалеть.

В комнате у Томми все они выпили еще по паре-другой виски. Потом вдруг Томми заинтересовало, не может ли, случаем, это письмо находиться у малютки Джейн, «зверюшки в очках», с которой Харри Биггерс якобы частенько бывал наедине. Тут он «вспомнил», что видел, как оба они стояли в коридоре. Пусть-ка Митчелл приведет ее.

В пансионе Хиуотеров работала молоденькая девушка, Джейн Рассел, убиравшая комнаты, а также помогавшая на кухне, неприметная особа в толстых чулках и длинном переднике, к тому же в очках; в ней не было и тени того, что именуется шармом. Из всех посетителей только Митчелл, пожалуй, иногда проявлял к ней чувство симпатии.

Митчелл отвел малютку в пустую комнату и допросил. Она тотчас сообщила, что Биггерса она вообще не знает и что никакого такого письма она от него не получала. К этому моменту Митчелл уже изрядно набрался, но не настолько, чтобы не понять, что она говорит правду.

Когда он сообщил джентльменам, что письма у Джейн нет, то снова увидел эти неприятные улыбки. А потом Томми неожиданно спросил:

— А как насчет письма, что лежит у вас в кармане?

Митчелл слегка растерялся. И действительно, опустив руку в карман брюк, он нащупал там порванную фотографию. Показать ее он не решился. И они снова заулыбались.

Потом они вызвали машину, затолкали в нее Харри Биггерса и посадили Митчелла за руль, шофера же пригласили в салон выпить немного виски. Митчеллу надлежало доставить труп на борт «Глади», судна Томми Уайта. Место стоянки ему было известно, и он поехал.

Но, приехав на место, увидел, что у трапа стоит машина сыскной полиции, а на баке горит свет. И неудивительно — пока Митчелл допрашивал Джейн, Томми успел сообщить в полицию, что в угольном трюме «Глади» обнаружили бензин и опасаются пожара.

Митчелл все-таки выкарабкался из машины и подошел к воде. Он увидел полицейских на борту «Глади» и, пошатываясь, повернул назад. Когда он доплелся до машины, трупа и след простыл. Тут он перетрусил и обходными путями поехал обратно в пансион Бет.

Там между тем кое-что произошло с Джейн Рассел. После допроса, которому подверг ее Митчелл, Джейн стала зорко следить за всем происходящим в доме. Она знала, что госпожа Хиуотер заперлась в кладовке, где хранится белье. Она видела, как Уайт и Митчелл несли вниз по лестнице пьяного, как ей показалось, Харри Биггерса и как Митчелл уехал с ним на машине. Потом она слышала, как Уайт разговаривал с шофером. При этом госпожа Хиуотер стояла рядом. Уайт сказал шоферу, что кто-то из посетителей видел, как угоняют его машину. Она видела, как тот направился к телефону, и слышала, что он звонит в полицию.

Здесь она вмешалась... Она подошла к шоферу и сказала ему, что господин, тот, что уехал на его машине, — настоящий джентльмен, что все это розыгрыш, не касающийся полиции. Бет Хиуотер тотчас резко перебила ее и даже попыталась выдворить из салона. Но тут скромная маленькая Джейн вышла из себя, что привело к тому, что она поцапалась в коридоре с Бет Хиуотер и была уволена. Все же Митчелл таким путем был избавлен от беседы с полицией в том своем состоянии, когда говорить ему никак не следовало.

Но кое-что ему еще предстояло пережить.

Он открыл двери салона и не поверил своим глазам: в углу, со стаканами виски, уютно расположились Бет, Томми и другие, а рядом с Бет, ухмыляясь, сидел Харри Биггерс. И Бет, и Томми, и остальные тоже ухмылялись.

— Уж не хочешь ли ты нам сказать, что где-то там припрятал Харри? — встретил его вопросом Томми Уайт, и Митчеллу, собственно, нечего было ответить. Он, спотыкаясь, вышел на улицу и еще некоторое время стоял возле дома.

Потом вдруг он заметил, что рядом с ним кто-то стоит и что это Джейн Рассел. В руке она держала чемодан, а на ее прикрытых очками глазах были слезы. Она отвесила оплеуху госпоже Хиуотер, защищая Митчелла, поэтому Бет и выгнала ее. У Джейн не было родственников в Лондоне, и она не знала, куда податься — было уже поздно. Митчелл предложил ей пойти с ним. Вот так и вышло, что под утро он привел ее к себе на квартиру. Он поместил ее в своей собственной комнате, а сам лег на диване в общей зале, все еще сильно пьяный. Утром возникла неловкая ситуация. Сестра, войдя в его спальню, обнаружила малютку Джейн и изумилась. Митчелл плел что-то несвязное, особенно когда увидел, что рассказ его выслушивается весьма сдержанно. Все-таки он объяснил, что Джейн служанка, поэтому и завтрак ей подали на кухне. Ему было несколько неловко, а еще более неловко ему было оттого, что потом состоялся разговор с Джейн в присутствии семьи. Он с довольно сдержанным дружелюбием осведомился о ее намерениях и поддержал ее в том, что лучше

всего обратиться в бюро, где служанкам выплачивают небольшое пособие и предоставляют ночлег.

Когда Джейн, взяв свой чемодан, ушла, Митчелла впервые в жизни пронзило сознание того, что он трус.

В последующие дни он с удвоенным усердием занимался поисками работы. Его семья вела себя как птица страус: просто не принимала во внимание изменившегося положения вещей. Сестра даже купила в эти дни пианино в рас-срочку.

Нового места он не нашел. Казалось, везде о нем знают. Да и не так уж много было мест для капитанов классных пароходов, даже для мужественных.

Весь в заботах, он совсем забыл о том, что на третий день собирался осведомиться о Джейн. На четвертый день о ней спросила его сестра, и он отправился в бюро. Джейн уже съехала. А вечером ему наконец предложили работу.

В районе Вест-Индских доков располагалась фирма, руководимая двумя братьями, имевшими чрезвычайно дурную репутацию. Эти люди передали ему, что у них, быть может, что-нибудь и найдется для него. Он отправился к ним и услышал, что они могли бы поручить ему транспортировку угольной баржи в Голландию.

— Вам недавно не повезло, Митчелл, — сказал один из братьев и ухмыльнулся, — но это поручение для вас. Оно поможет вам снова стать на ноги. Ведь вы, надо думать, не станете снова радировать SOS?

Митчелл проглотил эту пилюлю и пошел с ними осматривать баржу. Такого старого, грязного, дряхлого корыта он еще не видывал. Эта развалюха никак не могла доплыть до Роттердама. Впрочем, братьям этого и не было нужно. Все было абсолютно ясно — обыкновенная афера со страхованием, ничего более.

Добрая репутация Митчелла, то есть его чувство ответственности (так называется обратная сторона трусости), делала его подходящим капитаном.

Он почувствовал, как внутри у него поднимается буря, но он справился с нею и не сказал «нет». Попросил дать ему время на обдумывание их предложения и удалился. Время от времени он останавливался перед витринами и вел диалог со своим отражением.

— Вы трус? — спрашивал он себя, и Митчелл-отражение отрицательно качал головой.

А потом он увидел Джейн. Она стояла в нише дома и чего-то ожидала. Он подумал уже о самом плохом и не осмелился пройти мимо. С противоположной стороны улицы он увидел, как с ней заговорил мужчина, очевидно, подумавший то же, что и он сам. Но она, по всей видимости, дала ему решительный отпор. Тогда Митчелл перешел на ту сто-

рону, где стояла Джейн, и предложил зайти в кафе. Она ответила, что согласна, если только оттуда в окно можно будет видеть улицу. Она ждала подругу, которой было что-то известно об одном месте.

Спустя двадцать минут Митчеллу пришлось пережить в этом крохотном кафе самые волнующие минуты своей жизни.

Чтобы оказать ей любезность, он начал разговор с констатации того, что она прелестно выглядит.

Это удивляет ее, отвечала она, смело глядя ему в глаза. Она не была трусихой. И без стеснения съела все заказанные им пирожные. Ее не смущало, что он видит, что она не очень-то сыта.

Он, несколько ошарашенный, попытался объяснить, что, если она хочет найти себе новое место, нужно позаботиться о внешности. Он раскритиковал прическу и даже снял с нее очки. У нее были красивые глаза.

Джейн возразила, что места, для получения которых необходима приятная внешность, ей не подходят. Хотя, по правде сказать, она опасается, что место, с известием о котором должна появиться подруга, как раз из таких.

Тогда, к собственному своему удивлению, он стал настаивать на том, чтобы она не устраивалась там. Он даже предложил ей принять от него деньги и жить на них, пока она не подыщет что-нибудь более подходящее.

К его досаде, она, по-видимому, не восприняла его предложение всерьез. Потому что в эту минуту она увидела в окне подругу, поднялась и быстро выбежала из кафе. Он едва успел узнать ее адрес.

После этого мимолетного душевного переживания он должен был бы чувствовать себя подавленно, но вместо того воспрянул духом. Теперь он знал, что должно произойти нечто, что положит конец всему этому кошмару. Он зашел в бар и выпил несколько рюмок виски, чуть больше, чем мог выдержать его организм. Ушел он только после того, как убедился, что видит больше одного стакана там, где стоит один.

Он пошел напрямик домой.

В общей зале сидели отец и сестры. Они слушали по радио «Травиату». Он выключил приемник и без обиняков заявил им, что необходимо распрощаться с восьмикомнатной квартирой и переехать в двухкомнатную, а сестрам следует подыскать себе работу в какой-либо конторе, потому что компания выбросила его на улицу — неважно почему.

Потом он выспался, а утром проводил сестер, старшую в том числе, до биржи труда. Сестры были сильно напуганы. Он отчетливо видел, что постепенно снова завоевывает утраченное ранее уважение. Старшая сестра ни слова не возразила, когда он сказал, что, если жених ее недоволен своим шурином, пусть катится ко всем чертям.

После этого он позвонил владельцам угольной баржи. Он сказал им, что

согласен заключить с ними контракт, пусть только приготовят бумаги. День отплытия он наметит вместе с ними. А вечером, во вторник, пусть придут на баржу и передадут ему документы. Он тем временем позаботится о команде.

В-третьих, он обзвонил всех своих знакомых и пригласил их во вторник вечером присутствовать на скромном ужине, устраиваемом им на барже «Альмаида». Среди приглашенных были джентльмены из пансиона, Бет Хиуотер и его прежний шеф. Все они приняли приглашение, даже И. Б. Уотч. Отношения Митчелла со своими коллегами, равно как и с шефом, после «происшествия» внешне не изменились. Все они, как и прежде, по привычке похлопывали его по плечу, когда, случалось, встречали его на улице. Только теперь это похлопывание неизменно сопровождалось кривой улыбкой, которая совсем, ну совсем не нравилась Митчеллу.

И, наконец, он пригласил знакомого репортера, заказал шикарный ужин в ресторане «Савоя» с тамошними официантами для обслуживания на борту «Альмаиды», а во вторник принялся за выполнение пункта номер четыре.

Пунктом номер четыре была Джейн.

Он разыскал ее в каком-то захудалом пансионе; места она не нашла. Только один-единственный предмет обрадовал его взгляд в этой каморке, а именно — собственная фотография. В тот решающий момент она подобрала ее, склеила, а здесь поставила на комод. Мало того, Джейн не порывалась убрать ее с виду.

— Вам не хочется спрятать ее хотя бы от меня? — спросил он, но она отрицательно покачала головой. Все дальнейшее было относительно просто. Недолгое сопротивление последовало лишь тогда, когда он снял с нее очки (я веду тебя и вижу за двоих) и когда поправлял ее новую прическу (Бет считает, что волосы, ниспадающие на лицо, не красят женщину).

На «Альмаиде» все было в полном порядке. Официанты немного удивились, увидев, в каком помещении им предстоит сервировать такой роскошный стол. Кейнс, репортер, был уже на барже, и они дружно смеялись над тем, что должно было последовать.

Около девяти подкатили первые гости. Без четверти десять все были в сборе. Джейн принимала гостей, и физиономия Бет свидетельствовала о том, что такой шаг со стороны Митчелла она оценивает как проявление мужества. Митчелл поднялся и произнес маленький спич.

Он сообщил собравшимся, что, идя навстречу настояниям братьев Найф (поклон в их сторону), он решил довести это судно до Роттердама. И сделает это, так как подобное начинание есть проявление мужества, а его мужество в последнее время было поставлено под сомнение. Теперь же, чтобы все, кто в последнее время проявлял интерес к его мужеству, могли воочию

убедиться в наличии оно, он и позволил себе пригласить их в это маленькое плавание.

И в это мгновение старое судно начало дрожать, как может дрожать только судно, отправляющееся в путь, и двигатель заработал так, что его шум стал хорошо слышен.

Потрясение было весьма значительным.

В импровизированной столовой возникла настоящая паника. Мужчины кинулись к двери. Дверь была заперта. Дамы подняли визг, и тогда Митчелл снова заговорил:

— Леди и джентльмены,— сказал он,— двери, у которых вы столпились,— достаточно прочный кусок дерева, чтобы не поддаваться вашему натиску, но вот если бы вам было известно о том, в каком состоянии пребывает палуба моей «Альмаиды», то вы не суежились бы с таким грохотом. Такое состояние судна, собственно, и объясняет, почему оно застраховано на столь крупную сумму, не правда ли, достопочтенные господа Найф? Ведь весьма сомнительно, чтобы оно достигло места назначения, поэтому нужно было застраховаться. И, конечно, для того, чтобы выйти в открытое море на вот этом «судне», необходимо обладать немалым мужеством, но у меня его хватит. Думается, вы будете этому рады, а ваши сомнения во многом рассеются. И ты, Бет, тоже ведь сомневалась, достанет ли у меня мужества устранить вещи, которые не хочется больше видеть. Так вот, «Альмаида» именно такая вещь. Я непременно потоплю ее, будь уверена! И вам, Уотч, не доведется видеть, как я буду звать на помощь другие корабли, пока не потонет этот! Так случилось со мной однажды, но больше не повторится. Трусость нужно преодолевать, не так ли?

Конец истории будет кратким. Последовало еще несколько непристойных сцен. Большинство присутствовавших основательно перетрусости. И. Б. Уотч — при свидетелях — даже предложил своему бывшему капитану снова его прежнюю должность. Томми Уайт вел себя словно сумасшедший. А Харри Биггерс чуть было не умер взаправду.

Митчелл, испытывая от проведенного им эксперимента чувство отвращения и удовлетворения, довольно скоро отпустил своих гостей на твердую землю. Когда открылась дверь, то выяснилось, что судно всего лишь двигалось по реке. Автомобили гостей были видны с палубы.

Кейнс пообещал Митчеллу помалкивать, хотя бы на первых порах.

— Дело в том, что я не настолько труслив, чтобы отвергать предложение И. Б. Уотча,— весело сказал Митчелл.

— Если он сдержит слово,— добавила Джейн, прильнув к нему.

— Сдержит,— цинично протянул Кейнс.

Перевел с немецкого
А. РЕПКО

Никто толком не знает, откуда слово «джаз» взялось и что первоначально значило. Одни считали его звукоподражанием жужжащему тембру африканского щипкового инструмента. Другие — отглагольным существительным от «jazzé!» — «поддай жару!», на диалекте французских креолов таким возгласом подбадривают танцоров и музыкантов. Третьи уверяли, будто оно обязано своим происхождением мифическому трубачу из Мемфиса, штат Теннесси, по имени Джазбо Браун (в репертуаре «императрицы блюзов» Бесси Смит был номер под названием «Джазбо Браун фром Мемфис таун»). Выдвигались и прочие, столь же недоказуемые версии. Достоверно одно: у англичан издавна имелось жаргонное, в приличной беседе неупотребительное слово *jas*, или *jass*, означавшее весьма фривольное поведение или лицо, таким поведением отличающееся. Оно-то и появилось, к радости шутников и смущению людей благопристойных, сначала на афишах, а потом на дисках белого квинтета в составе трубы, кларнета, тромбона, фортепиано и ударных, приехавшего зимой 1917 года в Нью-Йорк из Нью-Орлеана (самого развеселого города в Соединенных Штатах), игравшего рэгтаймы и блюзы в шокирующе дерзкой и зажигательно «горячей» манере и именовавшего себя Original Dixieland Jass Band (сокращенно ODJB) — Оригинальный диксиленд джасс бэнд¹.

Дебют в Нью-Йорке пятерых ньюорлеанцев, возглавляемых кларнетистом Ником Ла Рокка, пришелся как нельзя более кстати. К тому времени для среднего потребителя популярной музыки фортепианный рэгтайм с его тщательно выписанной четырехчастной структурой стал уже слишком сухим и механическим, а блюз (в том виде, в каком его подавала коммерческая эстрада) — чересчур унылым и плаксивым. Музыка ODJB выгодно отличалась тем, что сочетала четкую ритмику рэгтайма и мелодическую пластику блюза с броской палитрой инструментальных красок и звучностью марширующего духового оркестра. Первая же его пластинка — «горячая» импровизация на тему старинной французской кадрили, названная «Tiger Rag», произвела фурор и разошлась миллионным (в те дни сверхрекордным) тиражом. Только что перед тем знаменитая эстрадная пара, Вернон и Айрин Касл, обучила публику удивительно свободным, скользко-упругим, индивидуально варьируемым фигурам нового танца — фокстрота, требующего как раз такого — предельно раскованного, гибкого и энергичного аккомпанемента. «Игра этого ансамбля, — писал журнал «Вэрайти», — заставляет танцоров отбрасывать сдержанность и доходить в своих движениях до предела».

Сногшибательный успех ODJB породил массу подражаний и всеамериканскую моду на аналогичный стиль танцевальной музыки: несколько двусмысленную ее фирменную марку спокойствия ради чуть переделали, заменив двойное *ss* на двойное *zz*: получился *jazz*.

Год спустя ODJB (теперь уже не *jass*, а *jazz*) посетил Великобританию, заразив джазовым вирусом также и Старый Свет.

Инфекция распространялась стремительно. Только что закончилась империалистическая война; Соединенные Штаты, пережившие ее почти без потерь, выступали в роли богатого и процветающего покровителя изрядно потрепанной Западной Европы. Жизнь возвращалась в мирную колею, все жаждали обновления, победители намеревались попышнее отметить свой триумф, а побежденные — поскорее забыть позор поражения. «Горячую» новинку из Америки приветствовали и те и другие.

Разумеется, у джаза сразу же нашлись не только поклонники, но и убежденные противники. Вот несколько выдержек из прессы тех лет. «Джазовая музыка низводит нынешних мужчин, женщин и детей на стадию варварства». «Джаз

Четвертая статья цикла, рассказывающего об истории поп-музыки. Первые были опубликованы в № 1, 4 и 8 за 1981 год.

¹ *Диксиленд — Страна Дикси — принятое среди белых американцев название южных, в прошлом рабовладельческих, штатов, выступавших в Гражданской войне против Севера. — Примеч. авт.*

ДЕТЯШЕ НЬЮ-ОРЛЕАНА

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

можно рассматривать как комбинацию невроза, беззакония, примитивно-дикарского анимализма и вседозволенности». «Наша эмоциональная нестабильность есть продукт иммиграции чужеземцев, автомобилей, джаза и кинематографа».

Уже в 1921 году богобоязненные жители городка Зайон-Сити, штат Иллинойс, решили сжечь все найденные там джазовые пластинки «как первый и главный пункт в только что принятой нами программе нашего общего спасения», а тринадцать лет спустя католический архиепископ монсеньор Конфри все еще пытался убедить Соединенные Штаты в том, что «джаз был завезен к нам из Центральной Африки бандой богатых международных заговорщиков-большевиков с целью нанести удар по христианской цивилизации во всем мире».

Но даже столь страшные «разоблачения», предостережения и обвинения в адрес джаза не могли ни пересилить тягу

молодой аудитории к свежему, в основе своей демократическому и здоровому началу новой популярной музыки, ни остановить тех, кто вознамерился извлечь из этой тяги максимальную выгоду. Последняя, как водится, доставалась не самым талантливым, но наиболее оборотистым и умеющим мгновенно подлаживаться к рыночной конъюнктуре. По обе стороны океана все большее число салонных и танцевальных оркестров срочно переименовывалось в «джазы». Музыкальная индустрия спешно перестраивалась на выпуск перспективной продукции (чаще всего чуть осве-

и крупных предпринимателей и держателей акций, заставил резко свернуть промышленное производство, лишил работы миллионы людей и положил конец эфемерной «эпохе процветания».

Поветрие джаза исчезло так же мгновенно, как и пришло. В начале тридцатых годов о нем если и вспоминали, то с чувством неловкости, стыда и раскаяния. Перечисляя с запоздалым негодованием финансовые аферы, политические скандалы, бандитские налеты, сверхрассточительные великосветские приемы, контрабанду спиртным, безумные кутежи и прочие эксцессы минувшего десятилетия, неизменно добавляли: «...и весь этот джаз!» Понятие, еще вчера бывшее знаком «самого современного», блестящего и шикарно-престижного, опять съезжилось до малопочтенного. Популярная музыка, очистившись от джазовой скверны, вернулась на добродетельную стезю приглаженно-усмиренных мелодий и ритмов в благопристойном и несколько жеманном стиле «суит» (сладкий). Похоже было, что джаз, как до него рэгтайм, навсегда отошел в прошлое.

И все же находились отдельные чудаки-фанатики (главным образом европейцы), уверявшие, что джазу суждено великое будущее. Не изменив предмету своей страсти, они по-прежнему готовы были просиживать вечера напролет рядом с известными и неизвестными джазменами, изредка нанимаемыми для обслуживания третьеразрядных кафе, ресторанов и дансингов. Без устали разыскивали у старьевщиков и старательно коллекционировали пластинки. Бросив все дела, приникали к радиоприемнику при первых же тактах джазовой пьесы, случайно переданной в эфир. Встречались для обсуждения волновавших их проблем, объединялись в клубы, общества и федерации, издавали крошечным тиражом журнальчики, изредка печатали книжки о любимой музыке.

Первая из таких книг — «У границ джаза», опубликованная в 1932 году и принадлежавшая перу бельгийца Робера Гоффэна, — была посвящена «Луи Армстронгу — настоящему королю джаза». Уже сама форма посвящения говорила о том, что настоящий — «горячий», или «классический», — джаз, созданный такими негритянскими мастерами, как Кинг Оливер, Луи Армстронг или Сидней Беше, фактически неизвестен широкой белой аудитории. То, что индустрия развлечений в рекламных целях именует джазом, таковым отнюдь не является. Это коммерческая эстрадно-танцевальная музыка, механически заимствующая у джазовой ряд внешних признаков, но абсолютно лишенная ее страстного порыва, духовного благородства, эмоциональной искренности и, самое главное, импровизационного начала. Слава «изобретателей», громкие титулы и «царственные регалии» истинных корифеев и властелинов джаза либо узурпированы у них самозванцами-имитаторами, либо по неведению приписаны музыкантам, имеющим к джазу лишь косвенное (как Гершвин) и довольно поверхностное отношение.

Сформулировав подобную концепцию, Гоффэн положил начало систематической историографии джаза, сумевшей после кропотливейших и неустанных многолетних исследований пролить свет на многие факты и обстоятельства его происхождения и развития. Так началась, поддержанная во Франции Хюгом Панасье и Шарлем Дэлоне (составителем первой джазовой дискографии), а в Америке — Фредериком Рэмзи и Чарлзом Э. Смитом, длительная и упорная кампания за реабилитацию подлинного джаза. Она привела к тому, что в конце тридцатых годов вновь зазвучала «горячая» музыка, привлекавшая к себе сравнительно немногочисленный, но быстро увеличивающийся контингент вдумчивых слушателей и преданных ценителей. При их активной поддержке «классический» джаз возрождали не только заслуженные ветераны — Мэтт Кэри, Банк Джонсон, Кид Ори, но также их молодые белые приверженцы — Лю Уотерс и Тёрк Мэрфи в США, Хамфри Литтлтон в Англии и Клод Лютер во Франции, поставившие своей целью тщательнейшее изучение и реконструкцию ранних, наиболее «аутентичных» форм джазового исполнительства. Усилиями всех этих энтузиастов удалось восстановить традицию «горячего» джаза, сложившуюся к середине десятых годов в Нью-Орлеане при обстоятельствах, заслуживающих специального внимания.

женные старые образцы попросту снабжались новой этикеткой), одна из песенок тех лет называлась «Мир сходит с ума по джазу, боже, а с ним и я».

В мюзик-холлах давали джаз-обозрения; композитор Джордж Гершвин, автор музыкальных комедий, царивших на Бродвее и задававших тон всей американской эстраде, был провозглашен «Королем джаза»; появление звукового кино ознаменовалось выходом боевика «Певец джаза» с Олом Джолсоном в главной роли; бурные двадцатые годы, совпавшие с периодом «сухого закона», ростом организованного гангстеризма и экономического бума, с легкой руки писателя Скотта Ф. Фицджеральда стали называться «джазовым веком».

Век этот оказался, впрочем, совсем недолгим: он завершился всеобщим биржевым крахом 1929 года, который в считанные часы и дни разорил множество мелких, средних

На рубеже XIX и XX столетий Нью-Орлеан был городом, чье географическое положение, экономика, история, расово-этнический состав, культурные ресурсы и социальные институты как нельзя более способствовали контакту и взаимодействию самых разных ветвей и оттенков черной и белой музыки. Крупнейший порт (а совсем недавно — и рынок рабов) в устье Миссисипи, узел коммерческих связей Старого Света, включая Африку, и Нового Света — Центральной, Северной и Южной Америки, основанный французами, отданный на время испанцам и, наконец, купленный в 1803 году Соединенными Штатами вместе с провинцией Луизианой, он отличался космополитической пестротой и вместе с тем яркой самобытностью своего духа и облика.

Высший его слой — земельная аристократия из бывших плантаторов-рабовладельцев, державших некогда у себя в поместьях собственных чернокожих невольников-менестрелей, — кичился происхождением от знатных семейств Испании и Франции. Он субсидировал и поощрял гастроли европейских оперных трупп, концерты знаменитостей из Парижа и Рима, любительское салонное музицирование и бальные танцы под аккомпанемент прямых потомков тех самых менестрелей — скрипачей, кларнетистов и пианистов смешанной крови и культуры, так называемых цветных креолов, занимавших в тамошней расово-общественной иерархии неустойчивую промежуточную позицию.

Некогда цветные креолы составляли привилегированную прослойку доверенных слуг-вольноотпущенников, имевших шанс сделать карьеру мажордома, управляющего, маклера, но скорее всего того же музыканта, принимаемого пусть всего лишь в качестве тапера, но зато в самых лучших домах. Однако потом быстрый рост расизма — спутника капиталистического освоения Юга — неожиданно превратил их в жертв жесточайшей и унижительной дискриминации. Столь крутой поворот судьбы застал этих людей врасплох, вызвал растерянность, принес чувство разочарования и позора. Привыкнув считать себя «почти белыми» и постоянно подчеркивая свое превосходство над «черными африканцами», цветные креолы воспринимали случившееся с ними куда нервнее и болезненнее тех, кто пребывал в таком состоянии уже веками и сумел выработать достаточно эффективные механизмы социально-психологической защиты и способы сохранения личного и группового достоинства в условиях внешнего бесправия и лишений.

Образцовый пример тому давала негритянская община Нью-Орлеана. Ничуть не стыдясь и открыто гордясь своим африканским прошлым, она широко практиковала внутри своих границ многие племенные обычаи (разумеется, видоизменяя их применительно к обстановке). К ним прежде всего относились союзы взаимопомощи, «тайные общества», «братства» и «ложи», оказывавшие своим членам хозяйственно-бытовую, экономическую, организационную и духовную поддержку в самых разнообразных случаях: при постройке дома, выплате срочных долгов, улаживании семейных и соседских конфликтов, устройстве и проведении свадеб, крестин и похорон, общественных торжеств и увеселений. Не затронутые мрачным вероучением кальвинизма, чернокожие Крайнего Юга бережно сохраняли также многие традиции африканской музыки и хореографии, так или иначе вплетаемые во все события коммунальной жизни. В деятельности «союзов» и «лож» музыкальные моменты были важнейшей частью обрядов, создающих чувство эмоциональной близости и укрепляющих моральное самосознание их участников, служа вместе с тем для них и любимейшим развлечением. Первое не противоречило второму, поскольку и развлекательный элемент оказывался в данном случае частью некоего мифологического единства. Так, похороны, связанные с древним принципом почитания родителей-предков, обставлялись особенно торжественно и, на взгляд европейцев, несколько парадоксально. Погребальное шествие было траурным танцем прощания под аккомпанемент буквально рыдающего духового оркестра (исполнители старались воспроизводить на инструментах положенные по чину скорбные возгласы, плачи и причитания), а возвращение с кладбища — радостным прославлением жизни, продолжающейся благодаря трудам и заботам живших раньше.

Были и другие обрядовые церемонии, которые включали ритуальные танцы под колдовские ритмы африканских барабанов и охотно приурочивались (нередко против желания властей) к праздникам, признаваемым католической церковью. Крупнейшим из них был знаменитый нью-орлеанский «Жирный вторник», он завершал масленицу и ознаменовывался всеобщим гулянием-карнавалом с танцами, ряжеными, фейерверком и торжественным проездом колесницы с «Царем зулусов» — Первым негром города. Несмотря на свою этническую обособленность, черная община отнюдь не была культурно изолирована от окружающего; индивидуально и коллективно черные заимствовали у белых все, что они хотели и практически могли воспринять, в свою очередь, делясь с ними плодами собственного творчества.

Музыкальный обмен на первых порах совершался, однако, не прямо, а через цветных креолов. Именно они, имея доступ к образованию, раньше негров профессионально освоили инструменты духового оркестра и его нотную литературу: европейские марши, польки и кадрили, переложения популярных оперных арий и американских мелодий минстрел-шоу вплоть до рэгтайма. Социальное честолюбие побуждало их играть эти произведения «не хуже, чем белые», — так же чисто, нота в ноту, точно по написанному и по взмаху дирижерской палочки, отсчитывающей такт. Черным же негде было всему этому научиться; раздобыв где-нибудь подержанные, часто выброшенные на свалку трубы, кларнеты, тромбоны и геликоны, они просто пытались изо всех сил дуть в них, чтобы получить хоть какой-нибудь звук, а затем сделать его похожим на голос негра, поющего, говорящего, плачущего и хохочущего свой блюз сорванным от тоски, изнемогающим от ярости тембром, с ударной, как выстрел, артикуляцией и мучительно стонущей глиссандо.

Ни о какой «чистоте», «верности» и «правильности» тут не могло быть и речи — блюзовое звучание было исходно «грязным» и «фальшивым», если оценивать его по школьным европейским правилам. Никакому композитору, сочиняющему за письменным столом, никакому дирижеру, стоящему во фраке за пультом, не удалось бы упорядочить и ввести в русло расписанной партитуры этот ураган добела раскаленных зовов и откликов, вопросов и ответов, сомнений, горестных воплей, язвительных насмешек, умоляющих просьб, жалоб и торжествующих утверждений. Категории профессионализма малоприменимы к оценке агонии и рождения для новой жизни. Подавляющее большинство нью-орлеанских исполнителей-негров в десятых годах даже не считало себя музыкантами, оставаясь грузчиками и продавцами газет, официантами и поварами, разносчиками зелени и подметальщиками улиц. Играть музыку они могли только во внерабочие часы. Но тогда они неизменно преображались: не забытые и приниженные рабы, не угодливые слуги, не жалкие имитаторы, пытающиеся выдать себя за тех, кем они хотели бы казаться, но освобождающиеся люди обретали наконец чудесное средство неизмеримо усилить свой голос и, соединив их вместе, возвестить, рассказать, засвидетельствовать, прокричать во всеуслышание то, что раньше они были вынуждены сообщать лишь украдкой.

Их весть, рассказ и свидетельство не вмещались целиком в звучание инструментов, и они добавляли к нему красочное зрелище, пантомиму и танец, куда вовлекались и все присутствовавшие. Театрализованное музыкальное действие воспроизводило древний фольклорный сценарий с тремя главными персонажами: агрессивно-мужественной трубой, женственно-мягким кларнетом и то добродушным, то саркастическим, то грозным старцем-тромбоном. Двое первых вели нескончаемый дуэт-состязание с нападениями, увертками, обманными выпадами, кроткими уговорами, ожесточенными ссорами и враждебными схватками, а третий насмешливо комментировал происходящее, подливал масла в огонь, поочередно взывал к обоим, когда они заходили слишком далеко в своей расправе, негодовал, пытался примирить и привести их к согласию.

По этой канве разыгрывалось и варьировалось в коллективной импровизации множество тем, почерпнутых из «почвенных» сельских блюзов — носителей наиболее «черного» и «горячего» афро-американского начала, и из городских рэгтаймов, с которыми южные негры знакомились опять-

таки через посредство более урбанизированных цветных креолов. Последние, как уже говорилось, нередко имели профессиональное образование и получали работу в кафе, клубах, куда чернокожим исполнителям путь был заказан и где требовалась более европеизированная и деликатная музыка. Поэтому если самыми «блюзовыми» и «горячими» трубачами Нью-Орлеана были негры вроде Фредди Кипарда, Банка Джонсона и Кинга Оливера, то лучшим пианистом в городе был цветной креол Фердинанд Жозеф Ла Менге, более известный впоследствии как Джелли-Ролл Мортон. Уступая блестящим северным виртуозам в технике, он, однако, неизмеримо глубже чувствовал блюз и, самое главное, первым из всех стал сочинять композиции для фортепиано, вбирающие в себя интонации, фактуру и общий характер голосоведения черных духовых оркестров, играющих на похоронах, парадах и пикниках. Пьесы Мортон, позднее им самим инструментованные, сыгранные и записанные на пластинки под его руководством ансамблем самых «горячих» виртуозов, входят ныне в сокровищницу джазовой классики.

Так складывался особый тип музыкального мироощущения и переживания, вырабатывался характерный язык взаимного общения и конкретные формы художественной речи, значимые, казалось бы, лишь для узкого круга лиц на таком же узком участке пространства и времени, замкнутого в жестких этнических и культурных границах.

Но получилось иначе. Белые музыканты и белые слушатели, сперва сравнительно редкие, затем все более многочисленные, повторили на очередном витке исторической спирали то, что ранее они проделали с минстрел-шоу, рэгтаймом и блюзом, — с восторгом взяли из новой музыкальной практики негров и креолов то, что отвечало их собственным потребностям и запросам, отбросив, карикатурно искажив или лишив всякой жизненности остальное. Разумеется, далеко не все поступали так, движимые грубо корыстными целями или из пренебрежения к «черномазым» (известны, правда, уникальные в те годы случаи глубокого понимания и сотрудничества исполнителей разных рас), но, принимая во внимание реальные обстоятельства, надо признать, что то был единственно возможный по тем временам путь дальнейшего развития новорожденной музыки. Более того, подобно тому, как «Виргинские менестрели», изображавшие «негритосов с плантаций», дали пример для создания сначала подражательных, а затем все более самобытных черных менестрельных трупп, Оригинальный диксиленд из Луизианы, заигравший в Нью-Йорке и Лондоне в горячем нью-орлеанском стиле, окрестивший его таким же горячим словечком «джаз» и доставивший ему международную известность, пробудил у негритянских музыкантов сознательное намерение продолжить и повернуть в свою пользу столь драматически начатое состязание-диалог.

Проследившая его корни, истоки и ранние этапы, мы приходим к твердому заключению: джаз никогда не был однородным и «чистым» ни в расовом, ни в жанровом, ни в тематическом отношении. Нельзя трактовать его и как простую смесь рэгтайма, блюза и марша; даже пресловутое понятие «синтеза» мало что объяснило бы в этом кипяще-взрывоопасном сочетании полярных противоположностей. Глубинная суть и специфика джаза открывается нам в столкновении, конкуренции и борьбе не столько различных стилевых черт, сколько практически-жизненных интересов и устремлений людей, принадлежащих к разным классам, этносам и культурам. Нельзя забывать и о том, что условия этого диалогического соревнования были существенно неравными: дискриминация его участников проводилась и в зависимости от цвета их кожи, и от эстетической предвзятости арбитров, и, самое главное, от того, каким был подход того или иного композитора — исполнителя или ансамбля — коммерческим или творческим. После Нью-Орлеана основной ареной встречи и противоборства всех этих моментов стали Мемфис, Канзас-Сити, Нью-Йорк и другие крупные города с высоким процентом негритянского населения, но прежде всего — Чикаго, где на протяжении двадцатых годов было создано и записано на пластинки наибольшее количество произведений, составивших, как теперь принято говорить, «золотую эру» классического джаза.

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИИ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Декабрь, 1981, № 12

Молодые кубинцы, которых вы видите на первой странице обложки, родились уже тогда, когда их родину стали по праву называть островом Свободы, они росли вместе с новой Кубой, и каждый успех социалистической страны делал их жизнь обеспеченней, счастливей, полней.

1 января 1982 года они будут отмечать 23-ю годовщину победы кубинской революции, которая открыла им дорогу к образованию, обеспечила работой, гарантировала здоровье — все то, о чем могут лишь мечтать миллионы их сверстников во многих других странах Латинской Америки.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

2. «Я ОЧЕНЬ ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕЧТА ЭТОГО ПРЕКРАСНОГО И МУЖЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА О МИРЕ НА ВСЕЙ НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ОСУЩЕСТВИЛАСЬ»
4. СМОТРИТЕ!
6. Уоллис Кэрролл. Я ВИДЕЛ МОСКВУ 41-го
9. Владимир Губарев. ДЕВЯТЬ СТАРТОВ «ИНТЕРКОСМОСА»
12. Иона Андронов. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ТАГ
16. Нина Чугунова. КАЖЕТСЯ, МЫ СЫГРАЛИ НЕПЛОХУЮ ШУТКУ
20. У. Нойхаузер. НО ПОЧЕМУ НАШИ ДЕТИ БОЛЕЕ СТАРЫ, ЧЕМ МЫ?
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Бертольт Брехт. БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО. РАССКАЗ
28. Л. Переверзев. ДЕТИЩЕ НЬЮ-ОРЛЕАНА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.

Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19.10.81. Подп. к печ. 20.11.81. А01464. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1723.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103000, Москва, К-30, Суцневская ул., 21.

Под музыку Вивальди

ОРКЕСТР

ПОЛЯ МОРИА

На вопросы читателей «Ровесника» о планах выпуска лицензионных пластинок отвечает старший редактор Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» М. ШАПИРО.

Много или мало лицензионных записей приобретает «Мелодия»? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Количество произведений, записываемых ежегодно зарубежными фирмами грампластинок, буквально не счесть. Но, как известно, количество не всегда переходит в качество: на рынок грамзаписи выбрасывается слишком много посредственных и даже низкопробных поделок. Вот почему приобретению лицензий предшествует тщательный отбор, цель которого — способствовать расширению наших представлений о лучших образцах современной музыки, знакомить с новыми именами, с творчеством выдающихся зарубежных композиторов, исполнителей.

Каждая фирма грампластинок имеет, если так можно сказать, свой почерк, свой стиль. Одни из них прославились эстрадными записями, другие — симфоническими, третьи — записями народной музыки. У каждой фирмы и свой круг исполнителей. Всесоюзная фирма «Мелодия» активно сотрудничает с за-

падногерманскими фирмами «Ариола», «Полидор», «Полиграм», английской И-Эм-Ай, фирмой «Фонोगрамм интернейшил» из Нидерландов, американской Си-Би-Эс и рядом других. Так, по лицензиям этих фирм в 1981 году были выпущены грампластинки, знакомящие с творчеством выдающегося дирижера Карла Бёма, пианиста Владимира Горовица, других известных исполнителей. Среди лицензионных записей эстрадной музыки две пластинки оркестра Поля Мориа, ансамблей «Бони М», Мэнфреда Мэнна, «Ирапши», певцов Элтона Джона, Адриано Челентано, Рафаэлла Карра, Глории Гейнор.

В ближайшее время по лицензиям будут выпущены грампластинки с записью комической оперы Доменико Чимарозы «Тайный брак», оперы Вольфганга Моцарта «Мнимая садовница», пластинки с записями произведений Бетховена, Брамса, Шуберта.

Английская фирма «Том Джонс интерпрайзес ЛТД» предоставила «Мелодии» право выпуска пластинок «Лучшие песни из репертуара Тома Джонса». Кроме того, любители эстрадной музыки нашей страны смогут познакомиться в 1982 году с творчеством известных певцов Мишеля Сарду, Барри Манилова, ансамблей «Скай», «Би Джиз», оркестра Фауста Папетти.

Индекс 70781
Цена 25 коп.